

ВИКТОР КОНЕЦКИЙ

**ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
ШТУРМАНА**

ЦИТАТЫ. ВЫСКАЗЫВАНИЯ. АФОРИЗМЫ

...Кто плавал у этих отметок,
У жестких ледовых границ,
Тот знает, как зыбок и едок
Осадок последних страниц...
Григорий Поженян «Нордкап»
(*Виктору Конецкому*)

Многие из мыслей Виктора Конецкого, высказанные им в книгах, афористичны, к тому же, они глубоки, наполнены философским смыслом. Это касается размышлений писателя о жизни в целом и собственной судьбе, о море и морской работе, о литературе и писательском труде, отношениях между людьми...

Мы постарались выделить некоторые из высказываний писателя-моряка и разместить их — в «Записной книжке штурмана» — да будет она со всеми вами, читатели, в трудные минуты плаваний в океане жизни и в радости каждого дня, что не отменяет желанного глубокого погружения в роман-странствие Виктора Конецкого «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ» и другие книги писателя.

Записные книжки всегда были при Викторе Конецком — и в море, и на берегу. Одна из них и сегодня лежит на письменном столе писателя. Последняя запись в ней: «Новая книга “Только для моряков и морячек”»...

СОДЕРЖАНИЕ

I. Штрихи к биографии.....	4
О детстве и блокаде.....	4
В эвакуации.....	15
Флот и литература.....	21
II. Высказывания. Афоризмы.....	38
О море и морской работе.....	38
О литературе, искусстве, творчестве.....	61
О любви.....	88
О жизни и смерти.....	97

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Старинных слов отменная чеканка...» (стихи и песни, цитируемые Виктором Конечким в романе-странствии «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ»).....	109

I

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

О ДЕТСТВЕ И БЛОКАДЕ

А моя малая и милейшая родина — Адмиралтейский канал, дом № 9, напротив первого мостика на остров Новая Голландия. Рядом Нева и сумасшедший дом на Пряжке, дом Блока и Ксениевский женский институт для девиц привилегированного сословия, построенный эклектиком Штакеншнейдером... Кабы я родился в другом месте, то был бы иным человеком. Конечно, я был бы другим человеком, если бы не родился в тех ленинградских местах, которые никогда не попадают на видовые открытки, где все еще много сырой тишины, запаха грязной воды, где берега каналов не забраны гранитом набережных, а желтеют одуванчиками просто по земляным склонам. Старые тополя доживают тут последние годы, разглядывая свои отражения в неподвижной воде, и стариковски вздрагивают от криков мальчишек, вылавливающих из канала неосторожную кошку.. За дальними крышами с нашего третьего этажа были видны верхушки кранов на судостроительных верфях; краны бесшумно двигались среди низких облаков, а вечерами на них загорались красные пронзительные огоньки. Там мостовые горбились морщинистыми булыжниками. И булыжники по ночам вспоминали стук ломовых телег, грубые подковы битюгов, изящный шелест тонких шин извозчичьих пролетов. Там во дворах лежало много дров, поленицы были обиты жестью и досками. И когда осенью дули ветры с залива и черная вода выпирала из каналов, дрова всплывали и грудились в подворотнях, и жильцам было о чем поспорить, потому что все дрова здорово схожи и сразу с ними не разберешься...

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года*

*Витя (крайний справа) с матерью Л.Д. Конецкой, тётушкой М.Д. Конецкой, братом Олегом и О.В. Клемм-Веселковой.
Ещё не было войны...*

...Вероятно, я происхожу от того типа, которого неудачно сбросили в Спарте со скалы в море. Он был достаточно хил, чтобы его сбросили, но и живуч, ибо выплыл и дал потомство.

У меня слабая кожа, я терпеть не могу обнажаться на пляжах, не люблю купаться, не люблю солнца и сильного света. От века меня угнетала собственная некрасивость — прыщ на носу, покрасневшие веки, веснушки, рыжинка в волосах, мешки под глазами... Я неправильно говорю «л», и это сильно усложняло жизнь в школьном детстве и в первые годы на флоте. У меня не было нормальной родительской семьи никогда и потому существовала ненормальная жалость и опасительность за мать...

И вот судьба сбросила меня со скалы в море. И я ценой непредставимых мук выплыл. Как же мне не любить море, не благодарить его? Это уже не романтика, это жизнь как она есть.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Я легко властвую над временем, потому что с детства люблю выдумывать. Это все виноват Стивенсон Роберт Льюис, и доктор Джекил, и мама, которая слишком любила цветы. Первое, что помню: огромная картина в тяжелой золотой раме — сирень в глиняных горшках, сирень, сирень, сирень...

...Картину с сиренью мы сожгли [в блокаду], сперва раздробили топором раму, потом резали холст с цветами на кусочки бритвой отца, из холста летела вековая пыль. Или это была «Сирень» Врубеля?..

Никто пути пройденного у нас не отберет.

Кошковав Сильвер

...свистеть на пальцах я не умею, что мучает с детства.

Неумение свистеть и веснушки — два детских мучения. За веснушки меня тоже звали Рыжим. Таким образом, мы были тезками с грустным поэтическим псом.

Когда-то я страдал по поводу веснушек, как Прометей за человечество.

Начало конца комедии (рассказ)

...Кажется, я коллекционировал спичечные этикетки, и это была страсть, но такая страсть, при которой и пальцем не ударяют для ее удовлетворения, а ждут, когда прямо на тебя сама собой высыпется манна небесная... Еще я играл в фантики. И всегда проигрывал. Фантики собирали на тротуарах и в нишах подвальных окон.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

...Мама рассказывала, что я более всего выводил ее из себя, когда на какое-нибудь замечание говорил: «Нашлась такая!» Причем я начал употреблять это выражение в нежном совсем возрасте — около пяти лет. Вероятно, если бы на месте мамы был я, то мой сын и до шести лет не дожил. Правда, вкус крапивы я хорошо помню.

...Детских моих фотографий сохранилось штуки три.

Глядя на них, я отчетливо понимаю, что мама не была выдающимся психологом. Одевала она нас в конце тридцатых годов в коротенькие штанишки, бархатные курточки и беретки. Боже, сколько тумачков получил я за такую анахроническую униформу! И как крепко прилипла к моей веснушчатой роже кличка «гогочка»!

Неужели мать не могла понять, на какие муки обрекает нас?

Или это делалось наперекор бедности?

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика искровой роты из 1914 года*

...Помню, когда еще не умел читать, то ходил по улицам, держа перед глазами развернутую газету: читаю, мол, даже на ходу — такой грамотей. И вот один язва-мужчина взял да и перевернул газету перед вундеркиндом на сто восемьдесят градусов — я держал ее вверх ногами.

Вчерашние заботы. Поплыли из Певека в Игарку

Несет в детское, в Даймище и Батово. Беготня с копьем, парное молоко, довоенная детская безоблачность. Родные вспоминаются.

Среди мифов и рифов. Выход на мокрую орбиту

...опять вспомнилось детское довоенное: сад у собора Николы Морского в Ленинграде, нищие на паперти; и то, как они прятались в храм, когда подъезжала «раковая шейка»;

и то, как милиционеры робели проникать за ними в тайну храма и караулили у дверей.

С сопереживания нищим на церковной паперти начался во мне социализм, хотя нищим на Руси обычно подавали и жилось им не плохо, а часто даже хорошо. На Руси ведь хуже всех быть полунищим.

У Адама и Пэн в Нью-Йорке (рассказ)

Где-то в сороковом мать повезла в Крым. Мисхор, Алупка. Запах нагретых солнцем незнакомых трав, колючих зарослей. Полное безразличие к морю и любовь к козам, которые бодаются, и делают это довольно свирепо. Юной девушкой мать была там когда-то счастливой и влюбленной. Потому, верно, и повезла нас в такую дорогую даль. Да, через отца — ему положен был бесплатный проезд, отец работал в транспортной прокуратуре...

Последний рейс (повесть)

В детстве я увлекался рисованием, мечтал стать художником и даже книг о морских приключениях не читал. Помню только слова отца: «Если будет война, просись на флот. Там погибать, так в чистоте. А в окопах — вшей кормить будешь, в грязи помрешь». Это почему-то запомнилось.

Отец был санитаром в Первую мировую войну.

К рисованию еще в раннем детстве приохотила мать. Когда-то ей пришлось подрабатывать рисунками для вышивки подушек.

Обычно люди вспоминают детство с нежностью. А я не люблю своего. Хорошее в нем только рисование. Дворец пионеров на углу Невского и Фонтанки, снег на капителях колонн, запах пластилина и скипидара, раннее честолюбие, радость от смирения и буйства красок. Я уходил в рисование от арифметики, грамматики, неудов и школьного одиночества. Даже в блокаду я утешался мыслью о том, что не надо идти в школу. И рисовал в бомбоубежище. Причем рисунки мои были далеки от войны — цветы и летние пейзажи.

Соленый лед. В шторм и штиль

...Говорят, чем разнообразнее приток впечатлений в детстве, тем более велики требования к смене впечатлений в зрелом возрасте. Мое довоенное детство было вовсе бедно впечатлениями, оно было грустное. Мать страдала обмороками. Они пугали нас с братом до заикания. Насколько помню, мы дичились других детей. Главные впечатления — от книг.

В художественном кружке кроме рисования преподавали лепку. Она мне не давалась. И для обязательного задания я выбрал водолаза — не надо было лепить лицо. Но и водолаз получился плохо. Объемное видение пришлось потом с большим трудом развивать. Не давался флажный семафор: чтобы его принимать, надо в уме зеркально переиначивать видимое положение рук сигнальщика...

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Еще в раннем детстве я выучил «Воздушный корабль» [Лермонтова] наизусть. И все пытался нарисовать его и звезды. На черное небо я капал белила. Звезды гасли, как только акварель высыхала.

Морские сны. Вокруг да около Святой Елены

...вдруг подумал: «Если б не война, я бы стал художником...» Он думал так потому, что еще мальчишкой занимался в изокружке и детские рисунки его как раз в лето сорок первого года выставлены были в витрине магазина на главной улице города.

Кто смотрит на облака (повесть)

В детстве я жил в одном доме с известным кораблеводителем Н.А. Сакеллари. Он умер, когда мне было семь лет. Помню запах его трубочного дыма, оставшийся в сырости парадной после прохода штурмана в гавань квартиры по каменному фарватеру лестницы. Мы — мальчишки — поднимались вслед за Сакеллари, фильтруя сквозь слизистые носов малейшие клочки этого томительного дыма. Ничто лучше дыма не

может символизировать даль таинственных стран и даль твоей завтрашней жизни...

Морские сны. Дакарские сказки

...Он вспомнил весну сорокового года и батальоны лыжников, возвращающихся с финской войны. Обмороженные лица красноармейцев. Они шли со стороны Васильевского острова на площадь Труда, поднимались на мост Лейтенанта Шмидта и спускались к площади. Обмороженные, усталые красноармейцы финской войны. Они, кажется, еще были в буденовках... Или это только кажется? В ту зиму в Ленинграде впервые горели синие фонари затемнений... И почему-то очень много оранжевых апельсинов в магазинах под Новый год...

Завтрашние заботы (повесть)

Он никогда не видел до войны очередей за апельсинами, это было лакомство, доступное немногим.

Кто смотрит на облака

Вообще-то я имею юридическое право на вполне взрослые свидетельства. Мало кто знает, что детьми тогда [в блокаду] считались только существа младше двенадцати лет. После этого рубежа существо превращалось в иждивенца, то есть вполне взрослого дармоеда, и начинало получать знаменитые 125 граммов.

Страшно нелепое обрушивалось на матерей, когда проклятые двенадцать лет наступали в зиму 1941–1942 года и детеныш разом переходил на половинный паек. Тогда мать начинала отдавать ему все до последней крошки, погибала и, естественно, вслед за ней отправлялся иждивенец.

Мне повезло. К двадцать второму июня [1941 года] мне исполнилось двенадцать лет и шестнадцать дней. Так что в блокаду я попал готовым дармоедом и в силу этого, возможно, и выжил: не было «перепада давлений».

ЭХО. «У каждого был свой спаситель»

...Какой силы воли была мать, ясно из того, что уже где-то в конце ноября сорок первого года она, силком конечно, водила нас с братом в кино. И в «Авроре» мы смотрели «Приключения Корзинкиной». Но не досмотрели — началась воздушная тревога или обстрел.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Из семейной хроники*

В затянувшуюся бомбежку на 7-е ноября сорок первого мы в бомбоубежище под зданием Управления Октябрьской железной дороги — это напротив Александринского театра — слушали его [Сталина] речь и историческое бульканье воды в его стакане, когда он делал паузу и отпивал глоток. И я плакал от веры в него и от любви к нему.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Из семейной хроники*

...Я очень темноты в детстве боялся. Плакал, если память не изменяет, не очень много. К старости глаза щиплет чаще, чем в детстве. Но темноты жутко боялся.

Путевые портреты с морским пейзажем (повесть)

Лечение от страха темноты и брошенности начал зимой сорок первого. И с радикальных, сильных средств.

На рубеже сорок первого и сорок второго годов за хлебом в булочную надо было отправляться рано утром, до открытия. Иначе можно было остаться и без ста двадцати пяти граммов. Света в коридоре и передней не было. На вход и выход мы пробирались, ощупывая в темноте трупы, сложенные вдоль стены. Несмотря на уличный мороз в квартире, запах разложения был. И страх перед трупами сохранялся, но тусклый страх, монотонный, страх без страха перед неожиданным испугом, страх перед мразью тления, остаток безразличности еще существующего к уже разлагающемуся.

Вот так радикально я начал лечение невроза, связанного с атавистическим страхом перед темнотой.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

В блокадном бомбоубежище, в замерзшем городе я читал журналы с красными обложками «Мир приключений». И рассказы из этих журналов я помню лучше, чем блокаду. Быть может, потому, что ее я вспоминать не люблю.

Морские сны. Остров Кокос

Большинство детишек не любит рыбий жир. Я просто ненавидел. И вот в блокаду мать нашла среди склянок домашней аптечки пузырек с остатками этого жира. Пузырек был прополоскан кипятком, и кипяток превратился в благоухающую уху. Какое счастье – уха среди замерзшего города и смерти!

Соленый лед. Морской экзамен

...за горсть <...> жмыха я отдал бы в сорок первом году свою мальчишескую душу любому дьяволу или сатане, если, конечно, они не были бы немецкой национальности.

И на меня тоже хлынуло старосемейное, давно истлевшее в могилах на Смоленском, на Пискаревке, на Богословском...

Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник

Любой блокадник вам скажет, что выжил потому, что пришел дядя Ваня, девушка из ПВО, племянник Саша, баба Мария, и т. д. и т. п. И вот этот дядя, девушка, старушка пришли и растопили печурку именно в тот момент, когда...

В каждой семье есть такая то ли легенда, то ли истинная правда. И в нашей семье есть.

Пришел муж детской материнской подруги [О.В. Клемм] Робушка, полный доходяга, опухший, потерявший челове-

ческий облик, сказал, что знает человека, который должен дать за драгоценность сливочное масло. У матери было или кольцо, или брошь — какая-то семейная реликвия. Она отдала это Робушке, хотя он был очень плох, то есть в том находился состоянии, когда на его мораль или там нравственность уже вроде и нельзя было надеяться. И на следующий день он притащился с бруском сливочного масла — наверное, граммов на восемьсот. Мы смотрели на это настоящее масло в таком фантастическом количестве и плакали.

И вот мать начала нам с братом давать его лизать два раза в день.

Мать была очень волевая, сильная до беспощадности женщина.

И мы выжили, и Робушка, который, конечно, умер через несколько дней и могилы которого мы, конечно, не знаем, есть наш Спаситель.

ЭХО. «У каждого был свой спаситель»

Метроном — блокада — бомбоубежище — черный картон репродуктора — приближение смерти — это навсегда связано с отсчетом секунд.

Среди мифов и рифов. Редактура мифа

Ночная вахта отказалась есть корейку, потому что у нее якобы какой-то запах появился. Я, намазав корейку горчицей, съел и рассказал ребятам о столярном клее, как мы в блокаду считали его деликатесом. Все долго, от души смеялись: «Ну, Викторыч, уж вы даете, так даете! Ну, Викторыч, никто лучше вас не заливает!..» Второй механик добавил: «У меня тетка блокадница. Клей, правда, ели, но только желатин, а столярный никто есть не станет — не крути ребятам мозги...»

Сперва я обозлился, полез в бутылку, потом взял себя в руки — безразлично стало. И грустно, что мы уже так далеки друг от друга, говорим на разных языках.

Морские сны. Вокруг да около Святой Елены

В «Празднике, который всегда с тобой» Хемингуэй много писал о еде. Он запомнил на всю жизнь, где, что и как они с первой женой ели. Он говорит, что голодал тогда. Сейчас многие на Западе подробно пишут о еде и питье и других плотских штуках. Я все-таки думаю, что они подробно пишут еду и питье не потому, что они голодали. Их голод — просто обжорство рядом с тем голодом, который знают в России. Хемингуэю даже не снился тот столярный клей, который мы ели в блокаду. А я как раз поэтому не люблю писать о еде. И совершенно не помню, где и что ем за день...

Соленый лед. Поплыли

...От фронтовиков я отличаюсь и тем, что хотя много убивали и самого меня, и самых моих родных людей, но я сам никого в отмщение убить не мог и не убил.

А дорого бы дал в свое время за то, чтобы хоть один паршивый немец, стрелявший по мне, был на моем счету.

Никто пути пройденного у нас не отберет.

Из семейной хроники

...Хотя сегодня упоминать о том, что война остается с тобой навечно, тривиальность, но я повторю: война навсегда во мне. И потому, например, я не люблю запах горячей и тлеющей газеты: махорка, закрутка, кресало, кремь, горячая горькость во рту..

...Поколение воевавших уходит. Это серьезное обстоятельство для общества. Ибо это последнее поколение, которое с абсолютно чистой совестью, без всяких общих слов, могло считать себя еще при жизни выполнившим долг перед историей с полнейшей наглядностью.

Никто пути пройденного у нас не отберет.

Из семейной хроники

В ЭВАКУАЦИИ

Ведя судно по штилевому и ласковому летнему Ладожскому озеру, я пересекал путь, по которому ехал на полуторке ранней весной сорок второго года. Полуторка шла по льду, знаменитой Дорогой жизни. Поверх льда уже стояла вода, она плескала среди снежных, высоких обочин трассы. И холодный туман витал над трассой. И немцы стреляли по нам из минометов.

И все, кто был в кузове, объединили свои одеяла и накрылись с головами, чтобы не замерзнуть. А шоферская дверца была открыта, чтобы водитель успел выскочить, если машина провалится в майну.

Все это я помню неточно. И не знаю, где то, что было, и где то, что потом придумалось.

Я помню, что высунул голову из-под одеял и видел снеговые четырехугольные укрытия от ветра, в которых прятались регулировщики. Это было как во «Взятии снежного городка» Сурикова. И помню, как навстречу шли одна за другой машины, груженные мясными тушами и мешками с мукой. И как стреляли зенитки. И как ушло на дно Ладоги несколько автобусов с детишками-сиротами. Они ехали впереди нас и провалились в дыру, оставшуюся после взрыва снаряда или бомбы. И помню огромные воздушные пузыри, которые поднимались из воды на том месте, где ушли под лед автобусы. И помню женщину, стоявшую на коленях, увязшую в ледяной грязи на выезде с Ладоги на берег. Она была мертва.

А потом нам выдали по эвакуодостоверениям жирную гречневую кашу. И начался понос. И началась дорога к станции Тихорецкой, но только станцию взяли немцы, пока мы ехали к ней. И тогда эшелон завернули на Фрунзе...

Соленый лед. Мосты и реки

...Потом, уже за Ладогой я клянчил у строя солдат чего-нибудь съедобного — за деньги: мать нам зашила по пятьсот рублей на тот случай, если она умрет. Это были жалкие

копейки. И один солдат дал мне кусок колотого сахара. Он сам качался под ветром, этот солдат. И никаких денег не взял, а пихнул под зад коленом, когда я начал ему их совать...

ЭХО. «У каждого был свой спаситель»

...Он помнил разрушенный полустанок где-то уже за Ладогой — под Тихвином. Молчаливый серый строй солдат вдоль железнодорожных рельсов. Мешки у их ног. Колючий с ветром снег, промозглый холод. Своё тупое, голодное отчаяние; свою протянутую руку и: «Дяденька, дай чего... Дай, а, дяденька...»

Его втащили тогда в середину строя. Там не было ветра и снега. Там было теплее и пахло так, как от этого сержанта. Ему дали большой кусок настоящего сахара — крепкий, корявый и тяжёлый, как осколок зенитного снаряда...

Петька, Джек и мальчишки (рассказ)

...Эта картинка напоминала детство и бомбежку на полустанке Валя, когда от близкого взрыва бомбы вылетели внутрь железнодорожного вагона все окна, и мы, выбираясь на волю, так же шлепали босыми ногами по осколкам и даже не замечали со страха этого.

Третий лишний (повесть)

Тридцать лет тому назад я ночевал в уютном углу огромного новосибирского вокзала. Это был чудесный уголок — на полу за мусорной урной. Каким-то чудом мать смогла засунуть меня туда. В огромном вокзале медлительно копошились полумертвые эвакуированные ленинградцы и мобилизованные киргизы. Они пытались укрыть спинами в ватных халатах труп товарища, который умер скорее всего от какой-нибудь инфекционной болезни, а может, просто от ужаса военных вокзалов. Они прятали труп товарища от начальства целые сутки. Вот вместе с этим умершим киргизом я и делил уголок за мусорной урной.

Начало конца комедии. В черном ящике

Май 1942 года.

Эшелон с блокадниками.

Мать — страшная старуха. Такой рисуют саму смерть. Только у покойников не бывает голодной дизентерии, а мать уже ничего не ест. Раньше не ела — нам все отдавала. Теперь появляется какая-то еда, но мать лежит на боковой полке пассажирского вагона и есть уже не может, ее то и дело несет кровью.

Вагон с офицерами-фронтовиками: едут в тыл в академию, здоровяки, битком набитые радостной жизнью, пьют, едят, играют в карты, спят со смачным храпом — вырвались из окопов, целые, с чистой совестью, впереди несколько месяцев тыла; вонючая старуха им, ясное дело, мешает. И вылечили!

Сел к ней в изголовье здоровенный танкист:

— Бабка, ты сейчас не рыпайся! Открывай рот! Ну! Вася, помоги!

Взяли и влили в нее полстакана чистого спирта. Покорчило ее минуточку-другую, потом вырубилась. А проснулась — понос прекратился.

Везла же нас мать к Николаичу в город Фрунзе, где он проживал после положенной десятилетней отсидки с женой и двумя сыновьями. Они приняли нашу троицу на свои шеи и поселили во вполне по тем временам приличном сарайчике-флигелечке...

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года*

Как прекрасны были времена, когда можно было писать и даже произносить что-нибудь вроде: «И странное волнение коснулось души моей».

А я помню, как Николай Николаевич Радченко, друг юности матери, который пригрел нашу семью в эвакуации, произнес нечто подобное в Бишкеке, когда немцы были под Сталинградом, и он с моей матерью возвращались, покачиваясь, с донорского пункта. Сегодня мне кажется, что он был похож на Куприна, но лысый и без усов и бороды... А его сын Никита

стрелял из рогатки на верхушках пирамидальных тополей, и галки крикливыми стаями кружились на фоне далеких заснеженных гор...

Последний рейс

...Петьке надоело жить, хотя ему было всего одиннадцать лет.

Петька всё не мог забыть войны, искрошенного минами льда на Ладожском озере, скрежета проносящихся над самой головой самолётов, беспрерывного холода и неуютности. Он часто поёживался, даже сидя на самом солнцепёке. Солнце сжигало его бледную кожу, но не могло согреть нутра.

Мать ещё недавно была молода и красива. А сейчас лежала в глиняном сарайчике старая и седая.

Мать была очень слаба. Она всё удивлялась, что живёт сама, и жив её сын, и что они действительно выбрались из страшного, холодного города. Ей хотелось только одного, — чтобы Петька жил и дальше, и чтобы он поправился.

Петька, Джек и мальчишки

...Мама для нас второй раз сдает кровь, очень плохо себя чувствуя. После первого раза я ее со слезами умолял больше кровь не сдавать, но она не послушалась и потихоньку от нас сдала опять, получив за это восемьсотграммовую карточку. Она думала, что ее кровь для Красной Армии, для наших героических бойцов, а ее отдали для малярийной станции...

Здесь нет дров. Только саксаул в горах. Пацаны пилят сухие верхушки и продают ветки на базаре...

Два мостика через главный городской арык сперли, четыре телеграфных столба спилили и минимум по тонне каменного угля на брата. Это только то, что я знаю. Специальное постановление горсовета о тюремном заключении за расхищение мостов...

Петька, Джек и мальчишки

...в континентальном городе Фрунзе потерял гражданскую девственность, украв стакан урюка у старой киргизки или ведро угля на сортировочной, — точно не помню. И услышал сакраментальное: «В камеру! Утром заговорит!» Била малярка, рядом валялся на грязных досках пола пьяный безногий солдат, в углу сидела на корточках и разговаривала сама с собой, нажевавшись мака, спекулянтка рисом.

С тех пор знаю, как медленно бледнеет за решеткой под потолком окошко на рассвете. И знаю, что рано или поздно все это кончится. Нужно только стиснуть зубы и не делать глупостей.

Вчерашние заботы. Вытрезвитель мифов

...в эвакуации, я продолжал бояться школы и учился плохо. Годовые двойки и переэкзаменовки преследовали меня. И всегда я убегал от школьной каторги в рисование. Оно в конечном счете и привело на флот. Если бы не было возможности убегать от жизни в рисование, мне волей-неволей пришлось бы заняться учебой всерьез, и все в жизни сложилось бы по-другому.

Соленый лед. В шторм и штиль

Уже в детстве существовала тяга к курению какой-нибудь дряни. Есть такие цветы «огоньки». Если оборвать лепестки, остается нечто вроде окурка. И вот я сосал эти цветки и вдыхал нечто дурманяще-тонизирующее. Курил и листья от венника. Но это малые грехи. Из значительных: получив двойку по арифметике у учительницы по прозвищу Крокодиловна, украл классный журнал, закопал его в сугроб, стер двойку в дневнике. Потом страх разоблачения начал сжимать в кольцо. Я набрал огрызков хлеба и бежал во двор, где залез внутрь поленницы дров и решил там жить. Была зима, мороз, дворовая тишина глубокого уже вечера, звезды мигали с черных небес. Я быстро спекся, то есть застыл. И все ждал, что кто-нибудь придет искать меня, и тогда я откликнусь с наименьшими потерями для самолюбия. Не позвали, потому что искали

в другом месте. Окоченев, поплелся домой. Кажется, за проделку с журналом хотели исключить. Точно не помню. Звезды морозные, сверкающие, бесшумные над головой запомнились. Четвертый класс?..

ЭХО. Пришла пора таких заметок

...Веточка кого-то напоминала ему. И наконец он понял, что она напоминает девчонку Надю, в которую он был когда-то тайно влюблен и с которой ходил в оперетту на «Роз-Мари» в далекие времена эвакуации.

Кто смотрит на облака

...Никогда не любил праздники. Помню, в день прорыва блокады меня разбудили этим известием. Я повернулся на другой бок и продолжал спать. И даже мать обозлилась и не могла меня понять. А я просто давно знал, что блокада будет прорвана — это отпраздновалось во мне раньше.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Вернувшись в Ленинград зимой сорок четвертого, я попал в образцовую школу, которая находилась напротив Никольского собора и его колокольни, прославленной акварелями Бенуа. Здесь, в густом переплетении каналов, гранитных речек, мостов, среди старых тополей, недалеко от купеческих лабазов Никольского рынка и плоских тылов Мариинского театра, процветает и сейчас моя последняя в жизни школа.

Я прибыл в разгар учебного года и сразу убедился в том, что не знаю даже букв, из которых составляются физические формулы. А ребята оказались замкнутыми и очень старательными. Это объяснялось тем, что в школе была столовая, обеды из которой можно было брать в кастрюльки и уносить домой. Кроме этого выдавались завтраки без карточек...

Только в страшных рассказах Амброза Бирса можно найти тот безысходный, тупой ужас, который я испытывал каждое утро, отправляясь с кастрюльками в образцовую школу. Та-

лон на завтрак и обед был могучим, решающим подспорьем. Я знал, что мать помрет, если меня из школы выгонят, лишат образцовой столовой. Но я ничего не понимал на уроках физики, химии, немецкого, русского.

Я спасался от Бирса в вечернем классе Художественного училища на Таврической улице. Рисовал засохшие осенние листья в громоздких вазах. Чайники и чашки на фоне пестрых тряпок. Восковые помидоры и яблоки. Золотые купола Никольского собора, окруженные густой и терпкой синевой небес. Таврический сад, оттепель, отражение темно-фиолетовых стволов в наснежных лужах <...>

Два раза в неделю я шагал в училище, переполненный ожиданием счастья, забвения горестей и неудач. И счастье должно было быть обязательно. Оно никуда не могло от меня скрыться, потому что жило во мне. И как только я садился за мольберт и окунал кисточки в краску, время останавливалось, как на том теле, которое летит со скоростью света.

Соленый лед. В шторм и штиль

ФЛОТ И ЛИТЕРАТУРА

...я попал в военно-морское училище не своей волей, а волей и игрой непредсказуемых сил, то есть войной.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Под сенью русских сфинксов в Коломне*

Я привязчивый. Так Бог устроил. Занесло на море — я к морю привязался, — судьба! А на землю занесло бы — к ней привязался, крестьянином бы стал. И уверен — хорошим, потому что могу учиться. Правда, типично по-русски могу учиться: на ошибках. Лоб разобью — перекрещусь. И второй раз на том же месте редко спотыкаюсь. Но преодолеваешь лень к учебе, только если находишься в действии и несешь ответственность.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Хоть убей не помню, как я познакомился с этим Петровым. Мы работали с ним на сортировочной — перегружали дрова из железнодорожных вагонов на трамвайные платформы.

Как этот Олег Петров пел! Всю нашу тоску по необыкновенной, красивой жизни вывернул он наизнанку. Все наше голодное отрочество, горящие эшелоны, бомбовые воронки вдоль железнодорожного полотна, ручные пулеметы, нелепо строчащие в гудящие небеса, скелеты блокадных трупов, вспученные животы, дизентерия, вши, слезы, ненависть, бессилие — все это списанное в расход отрочество теперь красиво отходило от нас. Голос Олега Петрова утверждал: «Она впереди, удивительная жизнь. Вы ее увидите, ребята! Вы увидите еще весь мир, штормовой и отчаянный!»

...Вот этот романтик моря Олег Петров и подбил меня идти не в ремесленное училище, а в военно-морское подготовительное. Сам он потом куда-то исчез, не приняли его в военно-морское по близорукости. А за мной на семь лет закрылись двери казармы. Но сегодня я не хочу жалеть о прошлом. Так уж устроил меня Бог, что хочется соединить реализм с романтизмом любого толка.

Соленый лед. В шторм и штиль

...на «Малахов курган» я пошел, потому что этот фильм сыграл в моей жизни серьезную роль. Посмотрев его в шестнадцать лет, я решил идти на военный флот — юнгой, или воспитанником, или кем угодно, но в военный флот! Я хотел быть с теми матросами, которые докуривают одну на всех махорочную закрутку перед тем, как броситься под танки со связкой РГД на поясах.

Путевые портреты с морским пейзажем

Война только что кончилась. Мы хотели есть уже шесть лет подряд. Шесть лет мы хотели хлеба в любой час дня и ночи. И мы были по-молодому жестоки. Когда здоровенные немцы лупили друг друга на причале, мы получали некоторое удовольствие. Это было, из песни слова не выкинешь.

В те уже далекие послевоенные времена казалось, что конец войны сразу должен означать начало чего-то прекрасного, легкого, свежего. Но началась «холодная война», воздух общественной жизни тяжелел. И мы в своих казармах половину времени думали о шпионах. Единственной отдушиной были книги Паустовского, его настроенческая проза, проникнутая грустной мечтой о красоте.

Соленый лед. Набережная лейтенанта Шмидта

Я много лет прожил в тридцати шагах от острова «Новая Голландия», но не ступал на него ногой. Там были самые разные склады. Как все запретное, остров дразнил мальчишеское воображение. На земляных откосах канала цвела пышная сирень. Возле самой воды по весне вспыхивали первые желтые одуванчики. Между тополями виднелось таинственное здание бывшей морской тюрьмы, круглое, красного кирпича, с маленькими тюремными окошками-бойницами. Мать рассказывала, там сидели революционные матросы. В семнадцатом матросы брали «Новую Голландию» штурмом — там засели юнкера. Мать говорила, матросы шли на штурм ночью, с факелами; в нашу квартиру залетела пуля. Возможно, это семейная легенда — романтизм в семействе наличествует явно.

Многие годы к тайнам «Новой Голландии», к сирени и одуванчикам было не пробиться: часовые, проволока, огромные глухие ворота.

И вот осенью сорок пятого, в белой брезентовой робе и бескозырке без ленточки — салага, — я на полutorке въехал в мир детских тайн за продуктами. Мы грузили, спуская по деревянным сходням из старинных складов мешки с мукой и ящики с комбижиром. И я уже оттуда смотрел на близкие окна родного дома. К ним с «Новой Голландии» было так же невозможно добраться, как раньше сюда. Диалектика. А потом, в полutorке, чтобы унять тоску по дому, притушить ностальгию, мы совали в рот сушеный компот и все вообще, что можно было сунуть тайком от мичмана-завпрода. Он знал, что мы ворюги, и держал ухо востро...

Морские сны. Вокруг да около Святой Елены

...Мы орали песни союзников и чувствовали себя отчаянными. Отрезав по куску от четырех тельняшек, мы сшивали пятаю. Ее подсовывали старшине — он не мог проверить сто тельняшек за десять минут. Полученная в обмен нормальная тельняшка продавалась на Балтийском вокзале и превращалась в пиво. После бани пиво настоящим мужчинам совершенно необходимо.

Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке

Господи, прости нам низкую музыкальную культуру! Ведь ты никогда не спал в кубрике, где спят в два этажа еще двести шестнадцатилетних, и ты не маршировал в баню в три часа ночи сквозь спящий город. Господи, ты накормил ораву пятью хлебами, но смог бы ты разделить кусок хозяйственного мыла на роту при помощи одной суровой нитки? Господи, смог бы ты прикурить махорочную закрутку, наслюнявив ее конец и замыкая через слюни трехфазовый переменный ток? Господи, хлеб и вино — тело и кровь твоё, но тебе ведь и в голову не могло прийти, что вместо хлеба можно питаться лепешками из кофейной гущи и вымоченной горчицы. Господи, я не знаю, сколько часов умирал ты на кресте под безжалостным солнцем в облаке зеленых мух, но если ты думаешь, что умирать от голода и вшей в промерзшем тряпье, валяясь рядом с трупом любимой тети, веселее, то прости, но я не смогу согласиться с тобой. Господи, я не кощунствую! Раны от гвоздей гноились и воняли, и смрадно дышали рядом с тобой распятые разбойники, но знаешь ли ты, что такое, когда газы исходят у тебя изо рта, потому что столярный клей застрял в кишках? Господи, ты исцелял прокаженных, хотя и терпеть не мог демонстрировать свои чудодейственные возможности; но сердце твоё не выдерживало зрелища чужих мучений и ты облегчал своё сердце, исцелив больных и наладив быт заблудших, но приходилось ли тебе видеть старуху, выкинутую на снег из теплушки, ибо она ходила под себя и от нее несло такой вонью и заразой, что сотня других бедолаг вышвырнула ее под насыпь... Простите уж моему поколению низкую музыкальную культуру и грамматические ошибки, все наши критики!

Путевые портреты с морским пейзажем

Виктор Конецкий. 1948 год

Наша юность начиналась на площадях. Два раза училище участвовало в общевоинских парадах на Красной площади. И раз пятнадцать на Дворцовой.

Ба!

Ра!

Бан!

Идешь, пронизанный ритмом, накрываешь барабанную дробь тяжелым шагом, рука под винтовкой онемела, синкопы медных труб крутятся в черепе электронными орбитами, ленты бескозырки стреляют в ухо, брови клещами сжали лоб, подбородок форштевнем рассекает воздух, правая рука вперед до бляхи, назад до отказа; двенадцать стальных подков на подметках кресалом ранят гранитную брусчатку, белые жала штыков распарывают воздух, крутится и качается цветная пирамида трибун, — все ближе, ближе — скорей бы! скорей бы! Тысяча труб извергает «Варяга»: «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает! Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”! Площады никто не желает!»...

Морские сны. Дакарские сказки

...на «Комсомольце» я первый раз пошел в заграничные плавания и, кроме того, еще умудрился неожиданно встретиться на нем с родным братом. У входа в Ирбенский пролив «Комсомолец», его командир Савенков, я, брат и другие курсанты попали в тяжелый шторм, изношенные паровые машины старика «Комсомольца» не тянули. И тогда я впервые увидел, как происходит потеря якоря, то есть рвется якорная цепь, если огромный корабль в отчаянии пытается зацепиться за скалистый грунт банки Михайлова при наличии мощного дрейфа и малых глубин.

*Начало конца комедии.
Держась за воздух, или Шок от энтропии*

...я первую свою книгу купил на курсантскую получку и авторами ее были художники. Книга дорогая — тридцать рублей, «Мастера искусства об искусстве», том второй, «От Шардена до Курбе». И сегодня, когда взгляд падает на эту книгу, я восхищаюсь собой. Надо же, а? Не прокутил курсантскую тридцатку! Книжку купил! А ведь как прокутить хотелось. И сколько раз потом брал я «От Шардена до Курбе» в минуты жизни трудные, чтобы загнать, но опускались руки...

Держась за воздух, или Шок от энтропии

На Красненьком кладбище упокоил вскоре ближайшего друга — Юльку Филиппова.

Мой первый ближайший друг беспричинно и бессмысленно повесился <...>

Вероятно, сам он погиб потому, что не научился отделять красоту от действительности в нужные моменты. А я этому все-таки подучился.

Юлька начинал в военном оркестре трубачом мальчишкой-блокадником. Он еще в Подготовительном училище начал приучать меня к чтению серьезных книг. Это с ним вместе мы путались в «Анти-Дюринге», самостоятельно и в полном объеме читали «Капитал»; под его нажимом я согласился поступить в сорок девятом году в университет на филфак,

русское отделение, экстернат (в те времена был экстернат — великолепная, удобная форма учения, которая почему-то ныне начисто упразднена). Ну, из университета через год нас выгнали, хотя мы толкали экзамен за экзаменом с некоторым даже блеском, — вышел приказ министра обороны о том, что будущие офицеры не имеют права получать второе высшее образование. Вероятно, смысл приказа был в том, что офицеры, получившие второе образование, при первой трудности с легкой душой могут драпануть со службы: на гражданке-то у них профессия будет.

Никто пути пройденного у нас не отберет. Отход

...А ведь когда-то мы расхаживали по карнизу пятого этажа в училище и поднимались на пятый этаж по канату, чтобы выкрасть закрытый в кубрике футбольный мяч.

Никто пути пройденного у нас не отберет.

В ледовом дрейфе, песцы

Юльку в морге мы снимали с того стола, где за три года до него лежала Лиля Куприянова. Она отравилась, он повесился. И оба прошли через морг той самой больницы им. 25-го Октября, в которой в блокаду умерла моя тетя Матюня и возле которой мы, послевоенные курсанты, на шлюпках дозор несли. Книжек надо было поменьше читать, особенно эту проклятую русскую классику. Читали бы современников, небось и сейчас живы были...

Последний рейс

Ведь это истинная правда, что еще в сороковых — начале пятидесятых мы с Лилькой и Юлькой читали «Искусство и революция» Гейне и даже мрачные сочинения композитора, философа, предтечи фашизма Вагнера, а не только русских классиков.

Последний рейс

...А вот помню отлично, как в белую прекрасную ночь, где-то после третьего курса училища, мы с товарищем Юлькой Филипповым забрели на Марсово поле.

Мы ходили среди цветущей сирени и читали слова на братских могилах, слова высокопарные, пахнущие Парижской коммуной. И мы с ним плакали, не стыдясь друг друга, и внутренне клялись в верности этим словам и в верности тем людям, которые лежат под цветущей сиренью на Марсовом поле и сейчас.

ЭХО. Огурец навыврез

На эскадренном миноносце «Разъяренный» мы мичманами проходили стажировку..

Третий лишний

Пустыня вздыбленных вод.

Даже чайки пропали.

И почему-то ударит в сердце восторг. И пронзит богохульная мысль, даже не мысль, а ощущение: о-го-го! Здесь моя родина! Здесь хочу и умереть! Не березки и топольки моя родина! И не старый дом на старом ленинградском канале... Простор моя родина!

И заорешь: «В Кейптаунском порту, с какао на борту, “Жанетта” поправляла такелаж!..»

Все вокруг гремит так, что никто тебя не услышит, можешь орать хоть арию из «Садко»: «Мы в море родились — умрем на море!»

Соленый лед. В шторм и штиль

Я был назначен командиром боевой части «один» и «четыре» на аварийно-спасательное судно Северного флота.

Семь лет меня учили воевать, то есть ставить мины, стрелять торпедами, швырять глубинные бомбы, управлять артиллерийским огнем. И, естественно, я знать не знал, как надо спасать. В эту нехорошую ситуацию меня, как водится, завел длинный язык.

Был одна тысяча девятьсот пятьдесят второй год.

Соленый лед. Странные капитаны

Первый день самостоятельной работы запоминается на всю жизнь. Я, например, хорошо помню, как впервые штурманом поднялся на мостик, как первая линия рассчитанного мною курса легла на карту, и как чересчур отрывисто и чересчур строго я скомандовал этот курс рулевому.

В утренних сумерках (рассказ)

Он любил эти срочные выходы в море. Любил ночную кутерьму, слепящий блеск прожекторов, звонки и гудки тревоги, треск прогреваемых моторов, короткие, хлесткие команды. И люди в такие моменты подчинялись его слову особенно легко и как-то весело.

Ему доставляла удовольствие и погрузка, когда кажется, что невозможно быстро поднять на борт шестисоткилограммовую помпу. Главное — первому ухватиться за эту помпу и крикнуть: «А ну, — взяли! Взяли, ребятки! Взяли!» И действительно ребятки берут, и помпа каким-то чудом оказывается на борту. Ему доставляло удовольствие и стоять на мостике, навалившись грудью на леера, засунув руки в широкие рукава реглана, смотреть вперёд и, слившись в одно целое с кораблём, чувствовать всем телом каждый удар волны и каждый оборот двигателей...

Под водой (рассказ)

Трудное дело — быть капитаном аварийно-спасательного судна. Море и ветер отпускают на раздумье секунды. Нужно уметь верить в себя и своих людей — это главное. И не бояться ни бога, ни черта. И знать морскую службу. И иметь за плечами такую биографию, которая дает моральное право на любой приказ подчиненным.

Путь к причалу (рассказ)

Редкий для меня случай — в рассказе «Путь к причалу» у главного героя боцмана Росомахи существовал прототип. Это был мичман Росомахин. Мы плавали с ним на спасателе в 1952 — 1953 годах. Мы с ним не только плавали, но и тонули 13 января 1953 года у камней со скупердяйским названием Сундуки в Баренцевом море, на восточном побережье острова Кильдин, севернее рейда с веселым названием Могильный.

Мы спасали средний рыболовный траулер № 188. Но тень «Варяга» витала над этим траулером. Он спастись не пожелал. Он нормальным утюгом пошел на грунт, как только был сдернут с камней, на которые вылетел.

Морские сны. Сценаристы и режиссеры в море

С гибнущего на Могильном рейде у острова Кильдин в январе 1953 года корабля нас снимал brave капитан-лейтенант Загоруйко, но выгresti на обыкновенной весельной шлюпке-шестерке к родному «Вайгачу» Загоруйко не смог, и попал я в бессознательном состоянии на другой корабль — «Водолаз». Там пришел в себя, когда всех нас, обмороженных, завалили в душевую. (Интересно, что со страху мы так надували друг другу спасательные жилеты, что у меня на груди и на спине, по рассказам ребят, оказалось два сухих пятна, — раздувшийся резиновый жилет придавил одежду к телу с такой судорожной мощью, что вода туда не смогла профильтроваться.) Из душевой меня перетасили в койку второго механика, которая оказалась свободна, ибо хозяин был на вахте. И там я или опять вырубился, или просто заснул мертвым сном. А когда очухался и открыл глаза, то рядом оказалась прекрасная женщина.

Она оперлась подбородком на сплетенные руки и глядела на меня. Она была совсем рядом, в полуметре. Как же, вероятно, я свои глаза выпучил!

И далеко не сразу уразумел, что я в чужой койке, в чужой каюте, на чужом корабле лежу носом в переборку, а к переборке на кнопках прикреплена фотография молодой и прекрасной артистки Тамары Макаровой.

Никто пути пройденного у нас не отберет. Мурманск

На Северном флоте. 1953 год

...Проходим Кильдин. Гляжу в бинокль на камни Сундуки. Страшные минуты пережиты там. Обидно, что куда-то запропастились документы, которые хранил после окончания следствия по делу о спасении нами СРТ-188.

Вчерашние заботы. Начало выяснения отношений

Отошли от причала... Раскантовались в ковше и тихо поплыли мимо корабельного кладбища, мимо огромного рудовоза «Александр Невский», мимо памятника заполярному солдату на высокой сопке, ну, и, конечно, мимо мыса Мишуков, где когда-то поднимали и топили австралийский транспорт «Алкао-Кадет», с борта которого началась моя первая дорога в Арктику.

Никто пути пройденного у нас не отберет. Мурманск

...Раньше, когда он плавал много, его злили все эти штуки — стекающая на карту вода, мазутные пятна на страницах

навигационного журнала, туман, скрывший береговые ориентиры, и миллион других мешающих работе мелочей. Теперь же он понял, что утомительное, обыденное преодоление всего этого и есть то, без чего жизнь пуста и неинтересна.

Если позовет товарищ (рассказ)

Он любил одиночество этих ночных вахт, приглушенную музыку из радиорубки, горечь папиросы. Часы проходят быстро, измеренные сотнями медленных шагов по рубке. Вздохнет рулевой, вспомнив о чем-то, покажутся огни встречного судна, и опять только дрожь стали под ногами и пустынное море вокруг.

«Капитан, улыбнитесь» (рассказ)

...Я смотрел на спящих вокруг товарищей. И знал, что у одного из них возьму те смешные слова и присказки, которые прямо вываливаются из него. Другой подарит мне свою биографию. А третий не даст врать чересчур, потому что я буду совеститься перед ним. И всё то, что я напишу в конце концов, отдали мне те люди, с которыми судьба сводила меня.

Соленый лед. Лабытнанги – Ленинград

Когда в 1955-м Валентин Пикуль привел меня в литературное объединение при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», Курочкин для меня был живым Монбланом, потому что уже напечатал «Пастуха» и «Цыгана Бенко», сотрудничал в газетах, а я еще ни разу не видел своего имени в печатном исполнении.

С 1955 по 1958 год мы трое тесно сблизились и дружили, и нас прозвали в литобъединении — Три мушкетера. Кто из нас был Атосом, кто Портосом и Арамисом, и по сей день не знаю. Просто держались мы вместе — вот нас и прозвали. На мушкетеров же, по существу вопроса, мы никак не походили. Если не считать склонности к выпивке.

ЭХО. Памяти Виктора Курочкина

Мой первый рассказ был о детской любви, седом капитане и очаровательной художнице, которую я поместил почему-то на Шпицберген, хотя никогда там не был. Вероятно, я исходил из того, что Данте тоже не был в аду. Мурашки бегали по коже от восторга, когда я перечитывал свое сочинение. Оно характерно абсолютным отсутствием какой-либо мысли.

В литобъединении, где мы проходили свои университеты, существовал специальный литературоведческий термин: «писать животом», что означает писание без помощи головы. Я хорошо усвоил этот метод, потому что пользовался им с раннего детства, чисто интуитивно впитал его, никто в меня его не вколачивал. А то, что в тебя не вколачивают, почему-то впитывается особенно крепко.

Соленый лед. Середина жизни

После каждой вышедшей книги наступает тяжелейший кризис. Их было уже достаточно. Но привыкнуть к кризисам я так и не могу. Каждый съедает год или полтора существования на этом свете.

И каждый раз меня спасало море.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Почему еще мне нравится плавать? А потому, что я люблю эту работу. А любишь только ту работу, которую знаешь. Коли не знаешь — возненавидишь даже дегустацию королевских вин.

Никто пути пройденного у нас не отберет. Колыма

Я давно, а быть может, всю сознательную жизнь существую ради литературы. Она и только она, Юра, держит меня на поверхности. Это мой капковый бушлат. Что мне даст арктический рейс, если я там уже был черт те знает сколько раз? И без Арктики я начал повторяться! Это мой ужас сейчас — самоповтор. Страх самоповтора преследует и во сне...

Третий лишний

Если не будешь уважать самого себя, если не можешь драться с начальником — это не только моря, но и литературы касается, — то ничего ты, паренек, не напишешь, ибо ты в русской литературе работаешь. Перед швейцаром и секретаршей дрожать можешь, но не перед начальником.

Третий лишний

...прихлопнут человеку визу за давние грешки, — можно сказать: «Да-а, пройденного пути у нас не отберешь!» Затем присказка наполнилась валютным содержанием: за каждые сутки морского пути положена моряку валюта, и если даже в конце пути посадил он пароход на мель, то заработанную валюту обратно у него не отберешь. Ну, а к старости наполнились эти слова новым, глубоким, гордым, горьким, щемлящим, чем-то сладким, отчаянным, веселым, тоскливым... Обернись назад, взгляни в свой кильватерный след, вспомни: сколько чего за кормой осталось — это все твое, и никто того не отберет..

Никто пути пройденного у нас не отберет. Отход

Психика же некоторых читателей и критиков устроена так, что поверить в возможность для писателя неписательской, но профессиональной работы на каком-нибудь современном производстве они ни под каким соусом не могут. И если писатель в море работает всю свою жизнь, они все равно считают, что он там путешествует. И сравнивают его писания с «Римом, Неаполем и Флоренцией» Стендаля или «Бродячей жизнью» Мопассана. От такого сравнения бедняге остается один путь — за борт. А кто же в таком случае за утопленника будет вахту стоять?

Вчерашние заботы. Четыре страницы от автора

...и в который раз пристально, серьезно подумал-прочувствовал: а если бросить писание? Да. Бросить. На какие-нибудь вечерние курсы в Академию художеств ходить, а летом

на перегоне речных судов в Арктике подрабатывать... И вдруг такую боль и страх испытал — от одной мысли, что больше вот не буду писать! О-го-го, как это страшно, оказывается. Нет, уже нырнул в запредельную глубину и нет тебе возврата...

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
День рождения старпома у мыса Могильный*

В доме на улице Ленина. 1983 год

Пришла журналистка Галина Фомичева. Час проговорили. Все допытывалась, кем я себя больше ощущаю — писателем или судоводителем.

Старый вопросик. Обе эти профессии для меня — сестры. Не плавая, я не мог бы писать книги.

Честно говоря, морская работа в силу ее определенной и жесткой специфики за долгие годы приносит ограниченность. В этом виноваты и плохие книги на судах, и запаздывание информации, особенно в такие вот пиковые, как сейчас, моменты общественной жизни, и постоянная оторванность от берега, от крупных культурных центров, что для каждого

человека, а для писателя особенно, не может не играть отрицательной роли.

Безнадёжно скучно, если не открываешь форточку во весь разноцветный мир мира...

Последний рейс

Я имею диплом капитана дальнего плавания и теоретически имею право командовать любым судном в любой акватории Мирового океана. Но не практически, ибо для назначения на утвержденного капитана в заграничное плавание надо пройти курсы, экзамены, проверки, зачеты и оформления.

Короче говоря, я никогда не буду штатным капитаном на торговом флоте.

И правильно.

Море требует от человека жизни. Или отдавай судьбу, или оно не признает. Литература требует того же. Я выбрал второе.

Никто пути пройденного у нас не отберет. Отход

Я видел очень мало чего-нибудь экзотического, но очень много воды и самых разных льдов. И пережил много одиночества, тоски и безнадёжности в океанах. Но был мгновениями счастлив от чувства братства с соплавателями, от любви к хорошим людям, которые и сейчас плывут в океанах.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

На судне задается человеку один простой вопрос: знаешь ты свое дело, можешь его выполнять, способен сожительствовать с другими людьми? Если да, то можешь быть при этом хоть профессиональным тенором, хоть поэтом или прозаиком — никого это не заботит.

Морякам не свойственна сентиментальность. Как, впрочем, им в той же степени не свойственна и деликатность. Но за все время плаваний у меня никто ни разу не спросил о «творческих планах» и не полез ко мне с рассказами о себе (в расчете попасть в книжку). Ни разу и никто.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Если я уже тридцать лет каждую минуту думаю о писательстве и мучаюсь неписанием, то, может быть, я действительно писатель? И сразу неутешительная мысль: вполне возможно, что вечные размышления о писательстве есть следствие зияющего неумения жить, а не художественного призвания... А какое-то время казалось, что научился сносно играть в жизнь, хотя мне всегда не хватало одного хода.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

...огромность писательской ответственности с новой силой и тяжестью гнетет душу. Сколько раз я наврал, сколько раз ошибся, сколько раз смалодушничал, сколько раз не хватило таланта, сколько раз поленился что-то прояснить, сколько раз забыл подчеркнуть нечто главное?.. Я один, и никто не поможет ответить на эти вопросы, и никто не разделит со мной ответственность.

Третий лишний

...осознанность проживаемой жизни, следование самим для себя созданным и нареченным канонам приносит человеку душевный покой в штормовой толчее, судорогах и верчении нынешнего дня. А начинается все с простого — с уважения к самому себе: не лги — раз, попросись на торпедные катера — на самое отчаянное, опасное и мстительное, если на родину нападут враги, — два. Ну, а остальное уже мелочи: не следует пить остывший чай, если можно заварить новый.

Последний раз в Антверпене

Как-то решил найти по справочнику Союза писателей тех, с кем вместе входил в литературу. Многих не обнаружил.

О гибели же каждого своего друга-моряка, от водолаза до командира корабля, я узнаю более-менее быстро.

Если в море люди идут всегда вместе, то в литературу идут как в суровое волчье одиночество.

Последний рейс

II

ВЫСКАЗЫВАНИЯ. АФОРИЗМЫ

О МОРЕ И МОРСКОЙ РАБОТЕ

Романтику моря и колдовство далеких стран мир получил из мозолистых рук людей, которые умели грести. Только профессионалы способны были зарабатывать на жизнь каторжным морским трудом. Они любили жизнь. И знали, что, если любишь ее, надо уметь грести и сутки, и двое, и трое.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Любое мореплавание — и парусное и нынешнее — древнейшая профессия и древнейшее искусство. Оно умрет еще не скоро, но оно стареет уже давно. Все стареющие профессии и искусства, как уводимые на переплавку пароходы, хранят в себе нечто приподнимающее наш дух над буднями. Но передать это словами — безнадежная затея. Такая же, как попытка спеть лебединою песню морской профессии, не поэтизируя ее старины, хотя старина эта полна ограниченности и жестокости. Моряк слушает не «голос моря», а шум воды в фановой магистрали своего судна. Судоводитель обязан думать и думать о нормальном, безаварийном возвращении, и эти мысли занимают в его мозгу то место, которое способно философствовать.

Среди мифов и рифмов.

Размышления о документальной прозе возле отмели Этуаль

Тот, кто когда-нибудь поднимался глухой ночью, при спокойной погоде, совсем один на мачту парусника, к самому топу, и висел просто так, без рабочей цели, между огромным ночным морем и огромным ночным небом, слушая шепот парусов внизу, тот знает странное ощущение остановившегося времени. Неподвижность скорости.

И уголь, и нефть, и атом дают нам силу, но, конечно, убивают музыку мира. А дырявый парус на дрянной шаланде и самый благородный инструмент — арфа — навсегда останутся братом и сестрой.

Морские сны. Во сне и наяву

...Сколько написано о слиянии человека с конем, парусом и машиной и ощущении счастья от этого; о счастье полета или штормового плавания под парусами. А суть, кажется мне, как раз в том, что нельзя разрешать себе полное слияние ни с парусом, ни с машиной, — нельзя! Дилетант думает, что через такое слияние он сам станет ветром, морем, вселенной, временем. Это-то и отличает профессионала от любителя. Профессионал знает, что не должно допускать себя до подобных слияний, что работа полным-полна самоограничений, самообладания, самоконтроля и в силу этого полным-полна скуки и рационализма.

Вчерашние заботы. Улыбка Колымы

...Полезно вспоминать о Времени чаще. Полезно смотреть на вечные звезды. Полезно знать, отчего Солнце бывает при закате таким пронзительно жутко красным... Конечно, и сейчас молодого моряка учат астрономии. И будут учить еще долго. Но близость к звездам уходит, как ушли в прошлое скрипучие парусники. Сейчас многие уже считают, что нет смысла тратить время, отправляя молодых людей в учебные плавания на парусниках. Лучше использовать время на изучение электроники и полупроводников. Конечно, полупроводники такая же интересная и романтическая частица Вселенной, как и далекий Альдебаран. Конечно, во всем вокруг найдется достаточно прекрасного для ума и чувств пытливого человека. Но только

...нельзя ничем заменить тот шум, который рождается в глубине деревянной корабельной мачты, когда в паруса ровно давит ночной бриз. Этот шум говорит о вечных тайнах природы простыми словами одинокой сосны.

Вчерашние заботы. Встреча в проливе Вилькицкого

Баркентины, бригантины и барки будут плавать в океанах всегда. Ибо паруса никогда не забудут про ветры, а ветры никогда не забудут о парусах...

Никто пути пройденного у нас не отберет. Отход

«...тот, кто бороздит море, вступает в союз со счастьем. Ему принадлежит весь мир, и он жнет, не сея, ибо море есть поле надежды».

Остаток надписи на поморском кресте. (Сам не видел, и плохо верится в такое поэтическое философствование поморов над морем, но больно уж соблазнительно!)

Никто пути пройденного у нас не отберет. В Карском море

...обаяние морской профессии не только в интересных рейсах. Море заставляет любить Землю и Солнце, и звезды. Моряк особенно любит Землю, потому что, возвращаясь к ней, ощущает ее с большей силой, отчетливостью, радостью. Как трогательны первые деревья на берегах Морского канала в Ленинграде, когда возвращаешься к ним, как беспричинно веселит обыкновенный краснорожий громыхающий трамвай, который встречает моряка у ворот порта, с каким уважением смотришь на вешки, сделанные из стволов молодых березок в устье Оби, когдаходишь к ним с севера и когда давно уже отвык от деревьев. Моряк любит Землю и за то, что она ведет его в плавании, она мигает далекими маяками, она подставляет свои мысы и горы под прорезь пеленгатора, она укрывает судно от злого ветра в непогоду. Земля — скалы, мели — бывает опасна для моряка. Иногда, когда поднимается большой шторм, корабли торопятся уйти возможно дальше от берегов. Но никто не сердится за это на Землю.

ЭХО. Капитан Юрий Клименченко

Мы все когда-то вылезли на свет божий из соленой купели, ибо жизнь началась в море. И теперь мы не можем жить

без нее. Только теперь мы отдельно едим соль и отдельно пьем пресную воду.

Наша лимфа имеет такой же солевой состав, как и морская вода. Море живет в каждом из нас, хотя мы давным-давно отделились от него. И самый сухопутный человек носит в своей крови море, не зная об этом. Наверное, потому так тянет людей смотреть на прибой, на бесконечную череду валов и слушать их вечный гул. Это голос давней родины, это зов крови в полном смысле слова.

Соленый лед. Поплыли

Море соединяет континенты и людей, море — такое же серьезное понятие, как земля, смерть, жизнь и любовь.

Я привык думать о море как о разумном существе. Всегда кажется, что оно знает мои мысли и ведает мои намерения. Когда в детстве мама приучала меня верить в Бога, мне также казалось, что он, Бог, знает все, что сейчас во мне. И тут не солжешь. И когда много лет назад мне пришлось тонуть на разбитом корабле и страх сжимал душу, я вдруг понял, что море видит мой страх и это не нравится ему. Я ощутил это своей кожей. Как ощущаешь взгляд, который сверлит тебе затылок через замочную скважину. И постарался вытряхнуть из себя страх. И заорал, хлебая соленую холодную воду, какие-то дерзкие и богохульные слова...

Оно умеет заглядывать в душу, это мокрое соленое существо, которое двигается вслед, которое не знает, что такое покой, которое никогда не может удобно улечься в жесткое ложе своих берегов.

Соленый лед. Поплыли

Любовь к морю тоже детское чувство. Она не мешает ненавидеть купанье. И в этом большой смысл. Нас тянет в огромные пространства вод не потому, что мы водолюбивые существа. Мы можем утонуть даже в бочке дождевой воды. Мы любим не воду, а ощущение свободы, которое дарят моря.

Наш плененный дух всегда мечтает о свободе, хотя мы редко даем себе в этом отчет.

Мало кто задумывался и над тем, что море, вода подарили людям понятие волны. Волна, накатывающаяся век за веком на берега, колеблющая корабли, натолкнула на одну из основных идей сегодняшней физики — о волновой теории света, волновой сущности вещества.

Волна подарила и ритм. В основе музыки лежит ритм волн и ритм движения светил по небесам. Потому музыка и проникает в глубины мировой гармонии дальше других искусств. Сам звук тоже имеет волновую природу. Медленный накат волны на отмель, вальс и ритм биения человеческого сердца чрезвычайно близки. Потому вальс невредимым пройдет сквозь джазы.

...Там, где море встречается с землей, — все особенно. И люди, живущие на берегах, — особенные люди. Они первыми увидели, как из пены морской волны, вкатившейся на гальку, из смеси утреннего воздуха и влаги родилась самая красивая, нежная, женственная женщина, самый пленительный образ человеческой мечты — Афродита. И самую красивую планету назвали ее именем. Богиня любви и красоты, покровительница брака, она вышла к нам из пены безмятежно нагая, и капли морской воды блистали на ее коже. И так же искрится, блистает по утрам и вечерам Венера. Древние греки называли ее еще Успокаивающая море. Потому что древние греки верили: красота смирят разгул стихий.

Соленый лед.

О чем думается в спокойные предутренние вахты

В тяжелом гейзере брызг, родившемся от столкновения судна и волны, в глубоком крене, в хаосе воды и ветра есть нечто завораживающее, затягивающее. Песня сирен не выдумка древних греков. Сирены поют морякам и сегодня. Нельзя поддаваться им, поддаваться неосознанному любопытству, забывать страх.

Соленый лед. В шторм и штиль

Судно — единственное человеческое творение, которое удостоивается чести получить при рождении имя собственное. Кому присваивается имя собственное в этом мире? Только тому, кто имеет собственную историю жизни, то есть существу с судьбой, имеющему характер, отличающемуся ото всего другого сущего.

...Только корабли — живые памятники.

Смысл жизни судна — движение. Любое движение в пространстве есть непрерывная смена обстоятельств и свойств среды вокруг. Чем сложнее существо, тем заметнее оно реагирует на притяжение Луны, влажность, холод и жару, плотность космических излучений, напряженность магнитного поля. И чем сложнее существо, тем таинственнее его связь с собственным именем. Имя влияет на человеческий характер и судьбу. И в этом тоже нет мистики.

Среди мифов и рифов. Корабли начинаются с имени

...Но как прекрасен штормовой океан! И в шторм хочется петь, орать отчаянное, ругаться озорно. Простор и ветер молодят душу. Брызги втыкаются в стекло окна, и освещение делается вдруг странным, как в солнечное затмение. Густые струи воды несутся мимо глаз, но вот они схлынули, светлеет, порыв ветра протирает стекла. Мгновение бушующий океан виден четко и ясно — от ближней волны до вспученного, дымного горизонта.

Соленый лед. В шторм и штиль

Когда на слабых, едва заметных волнах дрожит рассвет; когда попутчики-альбатросы то исчезают, растворившись мерцанием крыльев с черными концами в мерцании рассвета, на слабых волнах, то вновь появляются внезапно, близко; когда воистину ждешь, что сейчас вырвется из небес зеленый луч счастья, а тихое слово «штиль» легкой тенью легких облаков скользит над морем, — тогда в душу нисходит благолепие от мира, простора и покоя. Нечто выразимое только

старинными словами, но без языческой яркости чувств и без религиозной строгости наших предков.

Соленый лед. В шторм и штиль

Океан и море — разные вещи. Недаром эти слова разного рода. Океан — мужчина. Море — не мужчина и не женщина. Оно именно «оно». Море принадлежит океану и является частью его, хотя обязательно имеет свой нрав, характер и свои каверзы.

...И океан, и море терпеть не могут, когда все идет строго по плану. Они обожают неожиданности.

Соленый лед. Морской экзамен

В море на «Невеле». 1969 год

...Нет такого человека, которому по душе поддаться морю хотя бы в такой мелочи, как обыкновенная тошнота. Человек не хочет уступать морю ни в чем. И оно знает это. И потому с ним надо держать ухо востро.

Соленый лед. Поплыли

Море требует прямых вопросов и прямых ответов. Способность к быстрым решениям — одно из основных качеств хорошего судоводителя. Характерным в большинстве случаев на море является еще то, что результат решения, его следствие, бывает наглядным и наступает быстро.

Моряки — плохие философы. Если рефлектирующий Гамлет уйдет в океан, он перестанет мучиться проблемой «быть или не быть».

Среди мифов и рифов.

Размышления о документальной прозе возле отмели Этуаль

Чтобы быть настоящим моряком, надо остаться навсегда мальчишкой. Да, надо научиться ломать чужие воли и брать на себя любую ответственность, надо отвердеть скулами и глазами, надо неколебимо знать, что судно — это машина, которая зарабатывает деньги. И при всем том надо остаться навсегда мальчишкой, которому форма дороже содержания. Только те, для которых форма дороже содержания, смогут всю жизнь преодолевать тоску и серость морской работы.

Морские сны. Дакарские сказки

Моряк тот, кто отвечает не только за самого себя. Моряк должен все время помнить о других.

Морские сны. Во сне и наяву

...сила капитана в том, что не всё подчиненные про капитана знают и знать должны, что в капитане должна всегда оставаться частица тайны. Как умная жена умеет сохранить

в себе частицу тайны для мужа до самой глубокой старости, так и капитан должен свою какую-то тайну хранить ото всех.
Третий лишний

На море особенно ясно, что формула «руководить — прежде всего укреплять веру в успех», — есть самая действенная формула.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В Карском море*

Судоводители в той или иной степени актеры. Командовать людьми без определенного лицедейства невозможно. Другое дело, что лицедейство на каком-то этапе может незаметно перейти в суть и сделаться неотторжимой маской.

Схожесть судоводителей и актеров еще в том, что ты всегда на виду, ибо ходовой мостик своего рода сцена и на тебя каждую секунду с предельной внимательностью глядят иногда десятки глаз.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Отход*

...быть живым человеком — самое трудное, и моряки это отлично понимают.

Соленый лед. Странные капитаны

Без мелкой политики в экипаже не просуществуешь.

Морские сны. Под вой трехглавых хоботовых

...на ходовой мостик не допускаются зрители — даже если они большие морские начальники.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Отход*

Нужно добиться такого положения [на судне], когда все члены вахты почувствуют влечение друг к другу, захотят еще и еще раз попасть вместе в трудную ситуацию, чтобы работать вместе, ощущать плечо друг друга, чтобы даже считали часы, когда приходится быть врозь...

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В море Баренца*

Надо быть моряком, чтобы знать, как уютно и прекрасно чувствуешь себя на судне, вернувшись после штормового путешествия по земной тверди, и каким райским теплом дышат грелки, и какой вообще аркадией оказывается твоя прокуренная каюта. И какое наслаждение подержать руки под струей горячей воды и заодно помыть раковину умывальника — для соединения приятного еще и с полезным.

*Вчерашние заботы.
Шаловливый гидрограф и южак в Певеке*

Нет в море мелочей, вовсе нет...

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В Карском море*

Флот — это производство; каждое судно — огромный, двигающийся цех, в котором работают инженеры, техники, высококвалифицированные рабочие, то есть мотористы и матросы. Эти люди любят море и свою профессию, но любят ее совсем иначе, нежели еще тридцать лет назад. Моряки стали производственниками в полном смысле этого достаточно неуклюжего слова. И пора настала не ожидать от морских книг развлекательного, приключенческого чтения.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Настоящие моряки всегда смотрели и смотрят на море как на труд и заработок, хотя любопытство и фантазия тоже существуют в них. Но это разные — даже не параллельные — штуки...

На могиле первого русского плователя вокруг света, флота капитана 1 ранга и кавалера Юрия Лисянского выбита эпитафия. Он сочинил ее себе сам:

Прохожий не тужи о томъ кто кинул якорь здесь
Он взял съ собою паруса под коими
Взлетит въ предѣл небес.

Даже на тот свет забрал паруса! Конечно, — и романтик!
Третий лишний

Есть моряки, у которых всю жизнь сидит в душе пружина: «Вперед!». Эти в любой миг готовы сократить стоянку, вечно думают, как срезать угол, выгадать десяток миль, вечно стремятся возможно скорее прийти в очередной порт, чтобы немедленно начать стремиться возможно быстрее из него уйти. И всю жизнь — во имя осторожности — они обуздывают свое «Вперед!», степенят себя, борются с инстинктом движения. И есть моряки, у которых внутри живет мягкое понятие «Погоди...». Им, наоборот, приходится преодолевать свою инерцию, чтобы гнать и гнать судно из порта в порт, из рейса в рейс — по планете. Вероятно, тут для пользы дела нужно диалектическое единство таких противоположностей. Но лично я ценю медлительность на море больше торопливости. Оттого я ее ценю, что принадлежу к первому типу. Мне потребовалось десять лет, чтобы научиться медлительно говорить по радиотелефону. Да, я нынче выше ценю медлительность. Даже когда дело идет на секунды. Осторожность! Она все-таки должна быть врожденной и для летчика, и для моряка. А мне пришлось ее вырабатывать... Русское «авось» — сколько оно погубило голов! И сколько раз я был на волосок от гибели из-за него!..

Последний раз в Антверпене

...вечно верное для флота: не торопись торопясь.

Никто пути пройденного у нас не отберет. В море Баренца

...основная штурманская, судоводительская заповедь: «Пиши, что наблюдаешь!» И эта заповедь въедается в морское нутро: никогда не писать в журнал того, чего не наблюдаешь; всегда писать даже то, что кажется невероятным, если это невероятное наблюдается. (Случаи заведомой «липы» не рассматриваются.)

Вчерашние заботы. Четыре страницы от автора

Я меньше верю тем, кто командует подчеркнуто тихо. Такие, мне кажется, больше лгут в жизни и чаще скрывают свою неуверенность в правильности отданной команды.

Последний рейс

Капитан всегда говорит: «Я приказал... Я считаю...» Он не может уйти за флёр собрания, за видимость общего, большегоголосого большинства. Тогда разве можно считать судоводителя не открывателем нового? Ведь в каждый очередной раз он решает и открывает то, чего никогда раньше не было, ибо ситуации в жизни не повторяются — это не дебюты в шахматах...

Последний рейс

Есть неписанный закон, по которому капитан должен сражаться за честь своего помощника до упора. Капитан должен любыми средствами сохранить честь помощника, ибо этим он сохраняет свою честь, честь судна и судовладельца. Другое дело, что потом он может и должен наказать виновного или даже списать его с судна.

Вчерашние заботы. Вытрезвитель мифов

Есть моряки, капитаны, которые трижды тянут привод гудка при расставании с другим судном или портом, но делают это потому, что так положено. И есть моряки, которые плавают всю жизнь ради этих трех гудков, ради того волне-

ния, которое возникает в человеке при словах благодарности, прощания или встречи.

Соленый лед. Без соли

...А на каждом судне, хотя это и тривиальное заверение, оставляешь частицу души.

Соленый лед. Мимо Франции

Не все гражданские моряки плавают к островам Фиджи и ловят там попугаев, а только малая их толика. Бесчисленные рыболовные сейнеры, траулеры, рефрижераторы, разные буксиры, шаланды, шхуны, катера, боты — весь этот «ближний каботаж» необходим людям не меньше, чем океанские корабли, а может, и больше.

Если позовет товарищ

Раньше бытовала уничижительная фраза: «На ледоколах служат, на транспортах — работают».

«Служащий» — нечто такое с портфелем, в очках, в трамвай не способен прыгнуть впереди старшего по чину... Конечно, на ледоколе не то что на малом рыболовном сейнере или на стареньком сухогрузе: ни тебе рыбы и вони, ни тебе грузов, ни погрузок, ни разгрузок, ни ругани с докерами, ни отчетов за каждую сепарационную доску; все штурмана при галстуках и крахмал скатертей.

Но... Попробуй прими-ка ответственность за сотни слабеньких судов, за каждую дырку в их днищах и бортах, за каждые сутки опоздания в порт, где ждут грузов как манны небесной, и за много-много еще кое-чего!

Вчерашние заботы. Тикси — Певек

Чем ниже труба твоего корабля и жиже дым из твоей трубы, тем тоньше завязывай галстук. Перед выходом в море. Если ты капитан.

Завтрашние заботы

...чем дольше человек работает на море, тем больше у него запас терпимости к соплавателям.

Путевые портреты с морским пейзажем

Когда человек уходит в море, в его душе происходит удивительная консервация. Консервируются все проблемы семьи, учреждения, класса, государства. И пребывают в законсервированном виде, несмотря на существование радиосвязи и почты. Эмоциональный уровень проблемы не затухает от разлуки с их истоком.

Морские сны. Стыковка на мокрой орбите

...Тоску и ностальгию можно припрятать по-разному — под внешней супербодростью, утрированной шутливостью, под фривольными шуточками, под бессмысленно грубой и грязной руганью. И, как ни странно, такая форма действует на содержание, как-то просветляет тоску длинной дороги, ослабляет яд психологической несовместимости, черт ее подери, через все триумфальные ворота с присвистом...

Путевые портреты с морским пейзажем

Есть в любом длинном рейсе период, когда грусть прощаний выветрилась, мечтать о возвращении еще бессмысленно и очень редко кто вспоминает о доме. Радисты хорошо знают эти периоды, так как экипаж перестает тратиться на радиogramмы.

Среди мифов и рифов. Будни

Женский вопрос на море — сложный. О нем, правда, не положено упоминать. А молодой здоровый мужчина есть молодой здоровый мужчина. И полгода в океане океанского ветра, при доброй пище и размеренной жизни, — не монастырское схимничество, помогающее убивать плоть. Наоборот, такой образ жизни ее укрепляет. Правда, в длительных рейсах природа заботится о мужчинах, затягивает воображе-

ние некоей паутиной. Работа, мелкие и крупные сложности в отношениях со спутниками, отсутствие права на ошибку, психическое напряжение, которое не покидает тебя, хотя ты его вроде и не замечаешь, — все это уводит от второй половины жизни. Но подлый фитиль пороховой бочки тлеет под пеплом. И если пепел свалится, то отдохнувшее воображение заработает с совершенно ненужной силой.

*Морские сны.
Опять мимо Доброй Надежды и Монтевидео*

...Что остается у жены моряка от всей жизни? Полиэтиленовый мешок с радиogramмами. Желтыми уже. Со всех пароходов. <...> ...вся жизнь только через радио да письма... Вот сколько знаю жен моряков — все святые! А про плохих я помнить не хочу и говорить не хочу...

Кристина Хойловская-Лискевич в одиночку обошла на яхте планету, чтобы сказать: «Я не могла бы быть женой моряка».

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Отход*

Морских топит море, а сухопутных крушит горе.

Последний рейс

В долгом рейсе заход в порт иногда только расстраивает. Опытные моряки знают это. И не сходят с борта на стоянке. Красота чужой земли мигнет тебе, смутит душу — и все.

Среди мифов и рифов. Мадам Мигни

Это великая вещь — морская травля. И философии в ней больше, чем находят литературные критики...

Среди мифов и рифов. Под вой боры

Ничего бессмысленного морячки на языки не пускают, хотя внешне иногда кажется, что в их трепе полная чушь...

Вчерашние заботы. Начало выяснения отношений

На новом судне не следует много спрашивать. Можешь показаться безнадежным дураком. То, что в первые дни кажется странным, для старожилов — дважды два четыре. И для тебя так будет. Неизбежно все станет для тебя как дважды два.

Среди мифов и рифов.

Космический теплоход, череп и кости

На вахте сидеть не положено — это впиталось в кость и лимфу.

Среди мифов и рифов. Будни

Когда вахта идет к концу, нервы уже издерганы, считаешь минуты до того мига, когда ответственность упадет с плеч: только бы дотянуть! только дотянуть!.. И вот другой принял тяготы. Ты спускаешься в каюту, пьешь чай или обедаешь, прислушиваясь к ударам льда и изменениям режима движения, и даже ухмыляешься мрачно шкурной мысли: пускай вот ТОТ ДРУГОЙ прочувствует, как тебе было сейчас худо... А уже через какой-нибудь час ловишь себя на том, что опять тянет на мостик, тянет продолжать Игру самому, самому идти вперед! идти вперед! — хотя кажется, что впереди стена: она расступится! А приняв решение: идти вот в эту едва заметную щель, — уже не менять его! Даже если вдруг увидишь нечто более подходящее, не менять решения! Помнить: на изменение решения нет мгновений. Но не разгоняйся, не разгоняйся! И не потеряй инерцию, не завязни! Всё и вся контролируй, не надеясь ни на кого, ибо ты один так глубоко и абсолютно погружен в окружающую обстановку, мир, вселенную, — не слышь никаких советов, даже криков! И старайся сохранять силы, то есть давай себе расслабления, как

дает их себе опытный боксер или борец и в разгар драки... но это уж как получится!

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В центре моря Лаптевых*

Я долго платил дань уважения лоциям. О них так много сказано романтических слов. И общеизвестно, что текст описаний в лоциях сверхскуп и потому выразительнее любых художественных попыток. И я, попав однажды в тайфун, потом описал впечатления, содрав из лоции признаки тропического урагана, хотя ни одного признака в натуре не обнаружил.

Лоции часто врут. И не только потому, что отстают от времени, — это неизбежно. Но и потому, что слишком скупаются на слова и не тратят их на прошлое тех мест, которые описывают.

Среди мифов и рифов. Латакия

Карту [морскую] не рассматривают. В карту погружаются. И глубина погружения равна глубине твоего опыта.

...А ведь плаваем мы, возможно, ради таких вот нескольких минут чужого, прекрасного мира; ради шума прибоя в рифах и бегущего в воду краба; ради свидания с теплыми и сочными прибрежными растениями с их зеленоватыми зонтичными странными цветами; ради скользящей тени большой хищной рыбы в близких волнах; ради видения индийско-океанского мира вокруг...

Морские сны. Тихая жизнь

Карта — это не грамматика, не спряжения-ударения, безударные гласные и прочая безнадежно сложная наука. Карта — это такая вещь, при помощи которой наши переговоры сразу стали обоюдопонятными. Морская карта для моряков, что игральные карты для игроков, — можно обходиться и без языка.

Морские сны. SOS в Индийском океане

На встрече с курсантами ВВМУ им. М.В. Фрунзе. 1972 год

Главная подлость любой аварии в том, что она, ведьма, прилетает на метле или в ступе всегда неожиданно.

Если увеличить необходимость принятия решений в пять раз в данный отрезок времени, то количество человеческих ошибок возрастет в пятнадцать. Так говорит наука. Наконец наступает момент, когда на обдумывание решения просто напросто нет физического времени — цепь умозаключений не строится, логика не успевает слагать силлогизмы; вместо подчинения себя логическим выводам ты начинаешь действовать по свойственному тебе характеру-стереотипу, который в этот момент реагирует не на объективную реальность, а на свойственные тебе представления о реальности. В такой ситуации самое правильное — вообще не принимать решений. Умение не принимать решений по трем четвертям возникших вопросов — это и есть Опыт. Ибо решение не принимать решений есть самое тяжело-трудное решение из всех. Мы привыкли решать и поступать с первого вздоха. Когда мы потянулись к материнской груди — мы приняли свое первое

решение в жизни. Когда мы попросили морфий у доктора на смертном одре — это мы приняли последнее решение. Не принимать решений в сверхсложной ситуации может только очень сильный человек, ибо отказ от принятия решений не записывается в судовой журнал и не служит никаким прикрытием для судебных последствий. Если человек, отказавшись от принятия решений по трем четвертям вопросов, не испытывает при этом удрученности, растерянности, депрессии, то есть сохраняет даже повышенную, какую-то радостную готовность к принятию любых решений (когда сочтет их нужными), — это и есть настоящий человек поступков. У такого человека не должно быть сильно развито воображение. Хорошее воображение подсовывает слишком много вариантов будущего. Обилие вариантов ведет к утере цельности.

Вчерашние заботы. Повседневность и некоторые исключения из нее

...иногда на доклады нет секунд.

Вчерашние заботы.

О судовых пожарах и как Фома Фомич играет в шахматы

...А между официальным разбором аварии и правдой всегда огромная разница.

Путевые портреты с морским пейзажем

...зрелище разбитого судна вызывает в душе минуту тяжелой и строгой тишины. И в эту минуту колокол с мертвого корабля звонит и по тебе, даже если рынду давно стащили береговые люди.

Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник

Да, чем дольше человек живет без ошибок, тем они неизбежнее в оставшееся ему время. Чем дольше моряк благополучно плавает, тем неизбежнее ему попасть в переплет суд-

ного, прокурорского дела или на грунт. Это обыкновенная теория вероятности. К счастью, ее мало кто знает...

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
День рождения старпома у мыса Могильный*

...Море и не думает поднимать руки перед человеком и сдаваться. Оно остается самим собой.

Третий лишний

...Море может топить корабли, рушить причалы, убивать людей. Это оно делало всегда. Делает и сейчас, но это все — чепуха, мелочь. Страшно и обидно, когда море, океан смущают людям душу.

Путь к причалу

Я неоднократно отмечал в людях стремление переодеться в чистое и удобное перед опасным делом. Когда в старые времена экипажу в аварийной и безнадежной ситуации отдавался приказ переодеть чистое белье, это не только имело смысл «предстать на божий суд чистым», но и сугубо практический резон. Человек, который переодевался на тонущем судне, вынужден отринуть от себя часть страха, углубиться в ощущение величия момента, заглянуть в свою душу.

А прекратившие паниковать люди способны еще и найти выход из самого безвыходного положения.

Куда как сложнее морю добить людей, если они нашли в себе душевные силы спуститься в западню судового, корабельного нутра и менять там кальсоны среди тьмы и грохота вод, заливающих отсеки, — эти люди еще захотят и перекурить перед концом. И дадут прикурить морю, прежде чем захлебнутся. И — вполне вероятно — еще и победят.

Третий лишний

...нелепо было бы ожидать, что прошлый путь, который никто от нас не отнимает, не оставил бы на судовом корпусе

своих рубцов. Эти рубцы неизбежны, как неизбежны морщины на лбу и их углубление с каждым прожитым днем.

***Никто пути пройденного у нас не отберет.
Арктическая «Комаринская»***

Я всегда думаю о погибших кораблях, когда вижу на карте значки, обозначающие их. Эти корабли кто-то когда-то победил. Или их победило море, или другие люди.

Раньше люди мало занимались философией побежденных. А теперь Экзюпери с его: «Побежденные должны молчать. Как семена». И Брехт с его: «Самое главное — научить людей правильно мыслить... Побежденные должны помнить, что и после поражения растут и множатся противоречия, грозящие сегодняшнему победителю». Хемингуэй, тот всю жизнь только и занимался философией тех, кто побежден, но все равно победил. Сегодня все больше становится ясно, что нет побежденных и победителей в мире.

Соленый лед. Поплыли

...только полному идиоту не бывает в море страшно, когда оно расстегивает пояс стыдливости и демонстрирует катастрофически-космическую мощь стихий.

Третий лишний

И при тесном общении с высоким и бурным океаном невольно вспоминались вещи слова о том, что в море глубины не изведает, как не изведает в людях правды...

Третий лишний

...отвага в тяжелую минуту битвы со стихией — вещь столь же редкая, как дружба. Или любовь.

...чем естественнее человек командует, тем удачнее все получается.

***Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы***

Море требует прямых вопросов и прямых ответов. Способность к быстрым решениям — одно из основных качеств хорошего судоводителя. Характерным в большинстве случаев на море является еще то, что результат решения, его следствие, бывает наглядным и наступает быстро.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Все пороки, что завелись на суше, перешли и на море. А оно долго сопротивлялось. И сама стихия, и необходимость дисциплинированности, знания профессии диктовали морякам десятилетиями сохранять определенную нравственность, рабочую и просто человеческую честность. Море требует правды, и ничего, кроме правды.

Если врешь сам себе — ты погиб, и твой экипаж погиб.

Последний рейс

...«В море — дома, на берегу — в гостях» — красивая пропаганда прошлых веков. Если человек сегодня называет каюту домом, значит, у него нет другого. Или этот другой пуст — кто-то из близких умер, кто-то разлетелся по другим гнездам.

...И все-таки грустно, когда есть только стальная каюта, нужна человеку каменная лестница, тихий пересуд двора, тень тополя на стене, мокрые крыши в окне, стук балконной двери и неколебимая твердь ночной тишины. Но и не дай вам Господь уходить в рейс из пустой квартиры! И не дай вам Господь возвращаться из долгого рейса в пустую квартиру! Лучше уж просто жить на судне.

Последний раз в Антверпене

...«уйти в море может и дурак, а вот вернуться из моря может только умный».

Вчерашние заботы. Занавес

Капитаны командуют, верещат, кричат, дергают за уздечку, грозят хлыстом или вожжами, а пароход знает, куда ему

плыть, зачем ему плыть, он свое дело знает и плевать хотел на этих людишек, которые на нем копошатся. Так и в жизни: нам кажется, что мы свою судьбу строим, а это она нас строит.

Никто пути пройденного у нас не отберет. Колыма

Море всегда разное, и всегда свободное, и полно контрастов. Тесный мирок судна — и безграничный простор вокруг. Неизменный, как само время, ритм вахт — и застойные, длинные рассветы в тишине еще спящей воды. Далекie звезды в зеркалах секстана, послушно опускающиеся на четкий вечерний горизонт, — и оставшаяся давно за кормой сумятица городской жизни, ее заботы, тревоги, огорчения, отсюда, издалека, кажущиеся мелкими и глупыми. А по возвращении — необычная острота восприятия земли, ее запахов, красок, когда простой пучеглазый трамвай на городской улице вдруг радуется и веселит до беспричинного смеха. И никогда нигде не бывают так четки и прозрачны воспоминания, как в море.

Завтрашние заботы

Когда позади океан, а впереди порт, хочется надеть галстук. Есть праздник, вернее начало праздника. Середины и конца праздника не будет — все окажется будничным. И знаешь об этом, но начало праздника с тобой. И говоришь морской судьбе спасибо.

*Среди мифов и рифов.
Размышления о документальной прозе
возле отмели Этуаль*

О ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ТВОРЧЕСТВЕ

Когда открываешь настоящую книгу, начинаешь медленно погружаться в нее, то появляется томительное ожидание красоты, предчувствие той красоты, которая ждет тебя где-то впереди в жизни. И так веришь в то, что эта красота обязательно войдет в твою жизнь, что даже почему-то становится печально. И чувство благодарности к писателю пощипывает глаза.

Соленый лед. Поплыли

...я никогда не был так счастлив в жизни, как бываю счастлив, открыв хорошую книгу или смотря прекрасную живопись. Такой полноты мироощущения, такого полного исчезновения вопроса «Зачем живешь?» ничто другое не дает мне. И черт его знает, может, в этом и есть главный смысл искусства? Оно приобщает к самым глубоким тайнам мировой гармонии, снимает тоску беспредельности, которая с такой тупой силой иногда мешает жить.

Соленый лед. Лабытнанги – Ленинград

Слова нашего языка витали над остывающей планетой, над кипящими океанами безмерно далекого прошлого. Слова ждали нас миллиарды лет. И мы наконец пришли, чтобы произнести их. Невидимые, они летают в глубинах галактик, уютно живут внутри нейтрино и мезонов. Они ждут нас за каждой гранью познания. Они тоскуют без нас, но мы никогда не сможем произнести их все, как никогда не сможем представить бесконечность времени.

Соленый лед. Поплыли

Мне кажется, Библия, Коран и другие первые книги имеют такую глубину и красоту потому, что авторам приходилось

вмещать в бумагу ВСЁ — всё, накопленное предыдущими поколениями за тысячелетия. Если бы крысы в одну ночь сожрали сегодня наши библиотеки, то пришлось бы написать нечто подобное Библии по жанру, чтобы передать потомкам не все наши знания — что невозможно, — а сегодняшнее ощущение от наших знаний Мира. И тогда опять потребовались бы мифы и притчи, и новый Ветхий Завет, ибо самые хорошие энциклопедии стареют быстро и обычно бывают смешны для умных потомков, а мифы и притчи служат им всегда хотя бы обыкновенной житейской мудростью: если родилась на свет женщина необыкновенной красоты, страстной натуры и бесстыдной порочности, то прости, защити ее от злобности толпы, и она оплатит тебе беспредельной преданностью и благодарностью всего своего буйного сердца и мятежной души. И она будет мыть тебе ноги и, если ты захочешь, будет вытирать их волосами. Разве это не так?

Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник

Возможно, мифы, притчи симпатичны нам потому, что они начисто лишены каких бы то ни было рассуждений, формулировок, лобовой открытости смысла в тексте. Единственный словесный жанр, где существует показ в стерильно чистом виде.

Сквозь тени древних слов, сквозь лад мифических строк просвечивает какая-нибудь простая истина. Простая, как крик петуха или горсть зерна в ладони сеятеля. И сам прием сказителя, который использует сверхфантастическое, сверхпарадоксальное и намеренно туманит речь, знаком всякому человеку, пытавшемуся передать другому простоту бесконечно сложного. Древние знали, что если показать истину как она есть, не облакая ее никакими покровами, то люди не увидят и не услышат. Должны видеть ее, потому что она перед ними, но не увидят, потому что не способны видеть неприкровенную истину. Вот почему истина облачается в мифический образ, прикрывается часто и вовсе чуждым ей покровом и тогда вместе с этим образом или покровом становится отчасти доступной и для неразвитого духовного зрения.

Третий лишний

Я слушал прозрачную печальную песню, за которой почему-то чудился Пушкин, и вспоминал его последние слова: «Прощайте, друзья!» Так сказал он не людям вокруг, а книгам на полках кабинета вокруг своего узкого дивана. И я пережил минуты счастья от того, что есть в мире искусство и книги, а за искусством и книгами были, есть и будут светлые люди.

Почему мы чаще всего запоминаем на всю жизнь — до смертного даже часа — нечто из искусства: песню, строку стихотворения, улыбку женщины на старинном холсте? Почему так редко встретишь человека, запомнившего навечно момент своего собственного жизненного счастья?

У меня на руках умер мужчина, старый солдат, который вдруг вспомнил фильм «Большой вальс» и попросил напеть ему «Сказки венского леса». Если бы я мог их напеть! Девушка-радистка с рыболовного траулера, погибшего в Баренцевом море, первый раз разрыдалась уже в безопасности на борту спасателя «Вайгач», когда вспомнила, что с судном утонула книжка Виноградова «Три цвета времени». У девушки были обожжены электролитом руки, она работала на ключе до самого последнего момента. Я стыдил ее тем, что нельзя плакать о книжке, когда погибло судно. «Он был такой хороший!» — сказала она сквозь рыдания. Она говорила о Бейле. Быть может, волна радости и счастья, поднятая прекрасным искусством, да еще совпавшая с волной внутреннего настроения в этот момент, врезается в память души глубже, нежели красота непосредственной жизни? И потом, Бейль всегда мог быть с девушкой-радисткой, она в любой момент могла прикоснуться к нему, он не мог изменить ей и совершить дурной поступок, он всегда готов был разделить ее одиночество и смягчить грубость окружающего мира. Но, быть может, все это относится только к нам, потому что, как сказал Бейль: «Север судит об искусстве на основании пережитых ранее чувств, юг — на основании того непосредственного удовольствия, которое возникает в данный момент».

Среди мифов и рифов. Денатурат и искусство

...И вдруг узнал, Читатель зачастую знает о жизни не меньше писателя. А часто и больше. И политик он лучший, потому что бывает смелее. Разница между писателем и читателем сегодня только в том, что писателю Бог дал способность или нахальство для писания, а читатель только читает...

Соленый лед. Середина жизни

Романтизм есть или должен быть в любой художественности. Я не о литературоведческом романтизме. О романтической составляющей красоты. В самом приниженном и грязном реализме, в самом распущенном футуризме, в самом холодном классицизме, если они искусство, есть романтизм, ибо «если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно».

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ресторане «Сплитски врата»*

В 20–30-е годы прошлого века очерки и заметки моряков-писателей публиковались щедро и пользовались огромным успехом у читающей публики, ибо базировались на романтизме — навевали золотые сны, выводили из кошмара родины в далекие и суперпрекрасные миры. Но этот «увод» совершался не беллетристами-литераторами, а обыкновенными моряками. Документальная подкладка сообщала их очеркам искренность, а грубоватость языка и неровность слога, например, Головнина вызывали у Бестужева даже недоуменное восхищение.

Вчерашние заботы. Улыбка Колымы

В девятнадцатом веке человек мог читать газету, а мог и не читать, а нынче, будь любезен, читай. И не только потому, что тебе двойку на политзанятиях поставят, но и потому, что «от жизни отстаешь», то есть дураком будешь выглядеть. Кроме того, через ТВ все люди Земли наглядно видят лживость, двуличие межгосударственных политических отношений.

Теперь политика торчит перед носом «простого» человека. И он устал. Он хочет правды, искренности. И надеется найти ее в документе или «исповедальной прозе». А искать-то ее должен в СЕБЕ.

Однако польза в документальной прозе есть! Она именно и тренирует писателя на загляд (с опасной даже степенью откровенности) в себя, в темные уголки своей души и биографии. Она как бы тренирует тебя в этом направлении. И читатель это чувствует и благодарен автору, который исповедально врет.

Ибо любой человек интуитивно знает, что тот, кто постоянно лжет УМАЛЧИВАНИЕМ, рано или поздно вынужден сразу признаться в огромной куче грехов. Их список производит сокрушительное впечатление, ибо обрушивается сразу. Если не лгать умолчанием, то гадости свершенного падали бы отдельными плюхами и камнями, а тут — лавина, сель. Признаться — ужас берет!

Последний рейс

Фантазия и выдумывание — разные вещи. Фантазия — это полет, парение. Выдумывать истории, конструировать их — совсем другое, этим можно заниматься и в общественной уборной. Способность выдумывать можно в себе развить. С фантазией надо родиться.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

...самый беспрюирышный сюжет — это «Дама с камелиями». Мелодрама преодолевает века и границы и без промаха поражает самые разные сердца.

Соленый лед. Без соли

Никто не знает, почему человек, обливаясь над заведомым вымыслом слезами, получает от этого высокое наслаждение. А без читательского наслаждения нет художественной литературы.

Облиться слезами над твоей собственной судьбой читатель почему-то не способен, даже если очень тебе сочувствует.

И вот тут поймешь, что без вымысла в рассказе о своей и чужих судьбах не обойтись. Никак при этом не хочу умалить роль автора документальной прозы. Документ молчит без автора-художника. Это автор открывает документу рот. И тогда документ кричит и способен даже потрясать.

Среди мифов и рифов.

Размышления о документальной прозе возле отмели Этуаль

...Вышла поваренок-корневщица и прочитала пронзительные стихи известного поэта-современника: «Пусть любовь начнется, но с души — не с тела!» И страсть пусть тоже будет, однако «страсть, но — не собаки и не кошки!» Читала поваренок по бумажке, часто сбивалась, но ей тоже похлопали. А я с гордостью подумал о наших поэтах. Эти пареньки могут написать все, что угодно. Для них нет милиции. Это пареньки отчаянной смелости. Им можно только завидовать.

Соленый лед. Без соли

...Но и средний писатель может написать рассказ, который несколько десятков лет сохраняется в памяти человека, если писатель знает то, о чем пишет. Забытые авторы «Мира приключений» знали. Сквозь призму их рассказов глядел я на чужой мир.

Морские сны. Остров Кокос

...лишь через искусство можно как следует понять людей и народ, то есть самого себя. Душа любого народа в его искусстве и литературе, ибо искусство показывает народ не таким, каков он на самом деле, а таким, каким он хочет быть. А только мечта о себе самом и есть истинная правда.

Кто смотрит на облака

...раскрыться народы могут только через литературу. Никакая этнография здесь не поможет. Правда, как мне кажется, литература показывает не само существо народа, а его мечту о себе, но, быть может, это синонимы?

Морские сны. SOS в Индийском океане

Когда-то старый моряк, капитан третьего ранга Гашев, велел мне или служить, или читать книги.

Чем дольше я живу и больше читаю, тем меньше понимаю себя и лучше капитана Гашева.

Книги связывают с человечеством, но отторгают от непосредственной жизни. Умные мысли других людей выявляют хилость собственного мышления, и появляется страх. Читать книги великих людей не опасно только до той поры, пока не почувствуешь ослабления воли к творчеству, а это и есть признак недоброкачества таланта.

Нынче хорошая книга забывается быстро и никакого существенного влияния не оказывает, ежели ее автор длительными годами своей чистой, смелой жизни, своими поступками, обаянием помыслов и мечты не войдет вместе с книгой в читательское сознание.

Соленый лед. Мимо Франции

Маяки великих людей не скрываются для нас за горизонтом или за очередным мысом. Их можно включить в любой миг, не заказывая по радио и не оплачивая в валюте через банк в Лондоне.

Маяками назвал Бодлер Рубенса, Леонардо, Микеланджело, Гойю. Воплями назвал их полотна.

...А в конце длинного плавания испытываешь одиночество. И только маяки великих светят тебе. И тебе надо все больше их света. И они дают его столько, сколько способна впитать твоя уставшая душа. И плевать ты хотел на упреки в слабости и несамостоятельности — это правда, как я знаю ее.

Морские сны. Сценаристы и режиссеры в море

Художники не способны повторить друг друга даже в тех случаях, когда они ставят перед собой такую задачу. И даже если бы были картотеки художественных откровений, они не помогли бы другим художникам. Ибо открытия в художественном ощущении мира всегда первичны для каждого. Можно тысячи раз в любых географических пунктах и в любой веку открыть силу тяготения или убедиться в том, что Земля — круглая. Невозможно создать вторую Джоконду, как невозможно равноценно заменить самый слабый художественный талант чистым размышлением. Ценность средней мысли равна нулю, средний талант имеет цену, ибо мысли повторяются, а художественность индивидуальна, а значит — неповторима.

*Начало конца комедии.
О смысле вопросительности*

...идти первым — значит, обязательно знать, что рано или поздно останешься позади. Ибо идущие следом берут разгон на той взлетной полосе, которую потом и кровью прокладывает первопроходец. Идущие следом сразу набирают хорошую инерцию. Они обязательно обгонят писателя, затратившего на целине столько сил, пережившего амортизацию, предельные перегрузки и паузы невесомости, — кризисы души.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

...чем индивидуальнее творчество человека, тем глубже и шире его контакт со Вселенной. Только через микроскопическую дырочку своей неповторимости можно заглянуть в Новое.

Среди мифов и рифов. Редактура мифа

...Если считать искренность главным условием художественной глубины и ценности произведения искусства, то от художника требуется исповедь, требуется бестрепетное заглядывание в себя самого, в свое самое интимное нутро,

в самый центр противоречий своих мыслей, в самое слабое место души. Но только гении преодолевали в себе то чувство зависимости от чужого мнения, которое мешает среднему художнику написать исповедь, как писал ее Руссо, Толстой, Достоевский.

Среди мифов и рифов.

Размышления о документальной прозе возле отмели Этуаль

Если принять определение творчества как стремление к истине, то вдохновение, на мой взгляд, это восторг и восторженная тревога от предчувствия своей близости к истине.

Соленый лед. Середина жизни

Нашу литературу чести в мире уважают, классиков ее переводят и изучают. Но не она потрясла мир. Мир и до сих пор вздрагивает от нашей литературы совести. От нашей способности обыкновенными, какими-то канцелярскими даже словами, как в «Смерти Ивана Ильича», объяснить такие тайны частицы в хаосе Броунова движения, что никакой тайны-то там и не остается, черт возьми! Нечего там черту взять. Он честь любит. Честь искушает, но недалеко ведет, хотя блестит ярко. Совесть тусклая, искушать она не способна, она тихо живет.

Начало конца комедии.

Новое о совести, или Шок от эзопологии

Писание, как и судовождение, тоже серия решений, но процесс медлительный, результат его всегда остается за горизонтом, и о быстрой проверке правильности посылок не может быть и речи, как показывает мне собственный опыт. Необходимость для писательской и морской профессии прямо противоположных черт характера является, может быть, причиной того, что пишут моряки чертовски много, но значительных писателей из этой среды вышло мало.

Однако это не значит, что судно, корабль не культивирует в человеке черт, необходимых художнику. И парус и железо

требуют от экипажа тщательных, аккуратных, монотонных, предусмотрительных забот — иначе всех ждет гибель. Длительные заботы мы способны вынести только в том случае, если привязаны к предмету забот не за страх, а за совесть и любим его взыскательно.

Черты характера людей моря наглядно отразились в облике портовых городов. В сложном искусстве архитектуры, где гармония поверяется не только алгеброй, но и геометрией, дух людей моря проявляется отчетливо. От мачт и рей — строгость ленинградских проспектов и набережных.

Среди мифов и рифмов.

Размышления о документальной прозе возле отмели Этуаль

Есть три вида пишущих людей. Одни начинают писать после того, как нечто поймут. Другие пишут и в процессе писания начинают нечто понимать. Третьи должны написать книгу, чтобы наконец понять то, о чем они написали. И тогда они видят, что их книга написана неправильно, и... и печатают ее.

Нынче я испытываю муки от писания больше всего при сочинении писем родным. В прозе скольжения между отражениями сделались уже привычкой, то есть второй натурой.

Боль от лжи особенно остра, когда пишешь близким. Тогда каждая клетка мозга знает абсолютную истину: слово изреченное, а тем более графическое, уже есть ложь. Именно в письмах я чувствую: самое превосходное сравнение — от лукавого! А в прозе к сравнениям тянет и притягивает щегольство: внешний блеск изобретательства, перевертословия, острословия завораживает, и нет сил отказаться от внешности.

Обычная записка матери, если не хочешь специально обманывать (скрываешь болезнь для спокойствия ее), требует такого обнажения от внешности, какое и не снится при прозаической работе.

В письме ты можешь доносить на себя и обязан это делать. В прозе тоже обязан, но черта с два донесешь. И даже не от страха. Истинная проза есть открытие для людей реальной возможности более достойной жизни. А если не видишь такой возможности и для самого себя?..

Морские сны. Общественное поручение

Вероятно, именно страх перед ответственностью, неверие в свои способности и неверие в способности и интуицию народа порождает многословие в речах и книгах...

Среди мифов и рифов. Под вой боры

ПИСАТЬ ничего общего с раздумываниями и придумываниями не имеет. Если раздумывания с писанием имели бы много общего, все люди стали бы писателями.

Никто пути пройденного у нас не отберет. В море Баренца

...настоящий [писатель] должен на 50 % быть графоманом, то есть любить сам процесс ведения пера по бумаге.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля*

...мгновенная отзывчивость старого большого писателя к начинающему еще не означает, что начинающий пишет так, чтобы запомниться всерьез. И поэтому не следует обольщаться.

ЭХО. Опять название не придумывается

Соблазн отождествлять автора с литературным образом, особенно если рассказ ведется от первого лица, бытует в читающей публике уже давно, с тех пор, как эта публика появилась.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Кошкодав Сильвер*

Добирание до сути чужого творчества — процесс столь же медлительный, как и познание своего собственного таланта и предрасположенностей. И наоборот.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Кошкодав Сильвер*

...встречать прототипов в жизни не слишком приятное дело. Но тут самое главное — делать вид, что ни чуточки не испуган.

Последний рейс

В литературном произведении должно существовать и описание его созидания, что на ученом языке называется «включенное наблюдение», «включенный наблюдатель»...

Вводить самого себя в книгу, конечно, дело щекотливое, и лишних хлопот получаешь полон рот, но если, черт возьми, иначе не можешь?

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Начинать писать после длительного перерыва так же тяжело, как выходить из длительного, скажем интеллигентно, застолья. Это мой афоризм. И я знаю, что говорю.

ЭХО. Наши университеты

...долгие писательские роды (с оповещением о них окружающих) ведут чаще всего к нормальному выкидышу.

ЭХО. Памяти Виктора Курочкина

По поводу талантливых художников чаще всего чудится, что и все их жизненные трудности, несчастья, катастрофы хороши были и даже необходимы для развития и углубления их талантов. И редко приходит потребителям их продукции в башку, что, вполне возможно, без тягот и потрясений их талант расцвел бы куда гуще, и глубже, и светлее.

ЭХО. Наши университеты

...произведения искусства, творятся только теми людьми, которые способны любить и ненавидеть — любить свободу и народ, ненавидеть рабство и тиранов.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Речи о настоящей правде не может идти — не из-за редакторов, а по причине собственного страха перед правдой, неспособности заглянуть в нее и в себя.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

...рано или поздно жизнь на земле все-таки станет хорошей! Только не надо обманывать себя сегодня, если ты художник.

ЭХО. Две осени

Каждый начинающий писатель должен четко осознать, что Россия уже давно страна не приозерная, а приокеанская.

И еще он должен понимать, что Россия — страна северная, зимняя.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В Карском море*

Книги людей действия — Кренкеля, академика Фёдорова, Сомова — не хранят в себе никаких тайн. Характерно еще, что люди поступков, крупных земных дел, бывальцы, бывалые, то есть искусившиеся, тертые, кому не в диковинку то, о чем идет речь, никогда не пишут от «мы». Это «мы» часто является обязательным для авторов теоретических трудов. А ведь за этим «мы думаем», «мы полагаем» не скромность стоит, а, простите, боязнь личной ответственности... Когда же читаешь книги бывальцев, конечно, видишь, что авторы тоже каждую секунду раздумывают и даже несколько болезненно-навязчиво мучаются тем, чтобы описания уверенности в себе, решительности не показались читателю самохвальством или неделикатностью. Но ведь они так же и в жизни контролировали себя: чтобы не оскорбить своею властью подчиненных людей, чтобы всегда сохранять деликатность даже при необходимой резкости и грубости слов и поступков, а такое обязательно случается в полярно-морской работе.

Третий лишний

В книгах сильных людей действия есть четкая, без кокетства, спокойная нота осознания — еще при жизни — своего же (!) исполненного долга. Художник же до смертного предела мучается неисполненным, незаконченным, невыплаченным долгом. Это потому, что он одинок в творчестве.

...Иронический, юмористический рассказ, вероятно, надо сочинять с таким мгновенным наитием, удовольствием, озорством, с каким пишешь записочку другу-литератору, которого не застал дома...

Третий лишний

Есть единственное средство против перепутанности и сложности мира — юмор. Не бог, не царь и не герой. Все эти ребята не помогут. Только юмор, лучше безымянный: «Она съела кусок мяса, поп ее убил...»

Юмор — обыкновенная маска, но она помогает преодолевать растерянность от сложного и непонятого вокруг. Смущение души реализуется в материи звуковой волны: «хи-хи» или «ха-ха».

В юморе, конечно, есть ложь, но это ложь жизневерия.

Колпак клоуна помогает шуту преодолеть страх и ляпнуть царю из-под стола правду-матку.

Вчерашние заботы.

О судовых пожарах и как Фома Фомич играет в шахматы

Когда художник обозлен социальной действительностью до колик, он способен сохранить до конца чувство смешного (ибо это одна из инстинктивных форм самозащиты и самосохранения), но теряет эстетическую ариаднину нить искусства. Сам юмор, конечно, несет частицу красоты, но непроявленной, растворенной в сложной смеси, как золото в морской воде. Душа же просит красоты с тем большей тоской, чем труднее обстоятельства.

Вчерашние заботы. Обыкновенная Арктика

Шопенгауэр видел источник юмора в конфликте возвышенного умонастроения с чужеродным ему низменным миром. Кьеркегор связывал юмор с преодолением трагического и переходом личности от «этической» к «религиозной» стадии: юмор примиряет с болью, от которой на этической стадии пыталось абстрагироваться отчаяние.

В эстетике Гегеля юмор связывается с заключительной стадией художественного развития (разложением последней, «романтической» формы искусства).

Салтыков-Щедрин — юморист высшего из высших классов, но ни под какое из этих умных и интересных высказываний не подверстывается, ибо до мозга костей русский, а высказывания эти — западные.

*Вчерашние заботы.
Единство и борьба противоположностей
в Фоме Фомиче Фомичеве*

Отличная штука — интеллигентность.

Возможно, кое-кому покажется парадоксом то, что для морского писателя этакая мягкотелая гуманитарная интеллигентность абсолютно необходима — быть может, даже более необходима, нежели для всяких других литераторов. Но одновременно это качество значительно затрудняет собственную жизнь, особенно в ранний период военно-морской службы, — здесь поверьте мне на слово. По закону естественного отбора пройти сквозь каторгу первых лет службы на флоте мягкотелому интеллигенту возможно только в том случае, если он обладает юмором. Потом юмор неизбежно — и вне зависимости от сознания морского писателя — оказывается в его книгах.

ЭХО. Он поэмы этой капитан

А вообще-то юмор — это то, что выпадает в остаток при делении бесконечной торжественной глубокомысленности мира на анекдотическую краткость человеческого века.

Настоящие юмористы в литературе — люди грустные. Это банальная истина и не требует особых доказательств. Присяжные юмористы с последней страницы «Литгазеты» — люди веселые в обязательном порядке, по службе. Получается так потому, что настоящий юморист применяет юмор вместо водки или элениума — чтобы не рехнуться от жизненной тоски.

Третий лишний

Прочитал у Нодара Думбадзе: «Я искал свободы и потому избрал смех». Я бы рад ему следовать. Но ныне знаю — и знаю твердо, что не мы выбираем смех в любой момент или в любой ситуации, а он, увы, нас выбирает или нет. И если нет, то дело твое табак. Насильно мил смеху не будешь.

Никто пути пройденного у нас не отберет. Отход

...Но надо пытаться множить юмор на утопию. Это помогает жить самому. И следует забавлять рассказами мир, даже если он свесит ножки в яму. Этим принесешь миру пускай относительную, но пользу.

*Среди мифов и рифов.
Космический теплоход, череп и кости*

Не люблю театр. Так получилось. Потом подвел теорию. Мол, жизнь и есть театр. А если в театральный спектакль режиссер вводит сцену из другого спектакля или в кинофильм вмонтирует эпизод из другого фильма под тем соусом, что эти чужие кусочки видят действующие лица, то все это просто дурной вкус. Плохо, когда в театре видишь еще один театр, а в кино еще другое кино.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Настоящая живопись и настоящая скульптура требуют многолетнего общения. Потому я неохотно хожу в музеи.

Морские сны. Во сне и наяву

...никогда Айвазовского не любил по причине отсутствия у него каких бы то ни было мыслей. Живописец этот носил звание художника Главного морского штаба с правом ношения мундира Морского министерства.

«Девятый вал» я особенно не люблю. Когда-то на военной службе, чтобы увильнуть от шагистики — подготовки к очередному параду, я объявил начальству, что учился рисованию, и был отправлен в клуб, в распоряжение главстаршины — штатного украшателя казарм. Главстаршина прочитал направление и выдал мне открытку «Девятого вала», разлинованную в мелкую клеточку. «Сделаешь копию два на три метра», — приказал главстаршина. Конечно, я запорол холст и был изгнан из украшательной мастерской на асфальт строевого плаца. С тех пор я знаю, что стать Айвазовским не просто, что художник Главного морского штаба имел в кармане мундира секрет, при помощи которого умел делать на полотне воду мокрой. Но сути морей, штормов и штилей Айвазовский не знал. Хотя бы потому, что никаких девярых валов никогда не было, нет и не будет. Иногда идут волны значительно больше сестер, но при чем здесь цифра «девять»? Бред этот «Девятый вал». Недаром он копит папиросным дымом в забегаловках.

Соленый лед. В шторм и штиль

Красота северных сияний так же недоступна живописи, как и красота льдов при солнце, синей воде и штиле. И неверно, что из льдов и стужи «чист и свеж наш вылетает май».

Красота отстраненности. Она должна существовать сама по себе. Попытка пропустить ее через человеческое сердце бесплодна, ибо космический холод подобной красоты исчезает, согревшись в человеческом сердце. А без космического холода это уже какая угодно, но не та красота. Врубелю умудрялся не пропускать ту красоту сквозь свое сумасшедшее сердце. Во всяком случае, он пытался делать это. Недаром же всю жизнь писал Демона.

Вчерашние заботы. «О голубка моя...»

Как соединить нежную прозрачность с суровой тяжестью, свирель с грохотом горного обвала, акварель со сталью? Вот если можно соединить такие несоединимости, то получится впечатление от северных берегов Новой Земли. Зализанные плавности ледников, сползающих с вершин гор, и обрывистые вопли береговых круч. Бесследно растворяющиеся в нежной голубизне вершины и четкость берегового уреза. И розоватость неуловимой дымки...

Вчерашние заботы. Начало выяснения отношений

Почему так много живописцев вылезают из собственной кожи и выворачивают наизнанку свои прямые и кривые кишки? А по тому, что любой живописец (настоящий), достигнувший определенной степени профессионализма, начинает ощущать искреннее и вполне законное желание отличаться ото всех иных миллионов художников. Стать Рафаэлем или Врубелем, то есть стать таким художником, который может бестрепетно не подписывать свои работы, ибо любой искусствовед мгновенно определит автора (о подделке речи не идет), просто талантливому человеку шансов нет.

И вот он начинает выворачиваться наизнанку. Отсюда такое количество «измов». И это вполне закономерно, и каждый на такое имеет право, ибо не за ради внешнего эффекта они выворачиваются, а из внутреннего и духовного закона и права на неповторимость каждой личности.

Но живописцы (в отличие от писателей) картины не тиражируют в тысячах экземпляров и не обманывают, ведь привычный к чтению человек любой печатный текст хватает...

Большинство писателей рисовало и рисует.

Я понял этот феномен, когда прочитал у Толстого категорическое утверждение: «Главное условие человеческого счастья — связь с природой». Так вот почему в городской квартире меня так тянет нарисовать пейзаж или цветы! Я инстинктивно пытаюсь заместить утраченную связь с природой таким извращенным образом.

Последний рейс

Искусство обязано помогать человеку не терять веры в смысл короткого и парадоксального, вообще-то, пребывания на свете; и делать это при помощи возбуждения в человеке ощущения красоты и наслаждения от нее.

*Вчерашние заботы.
Шаловливый гидрограф и южак в Певеке*

...все художники болезненно переносят одинокое наслаждение красотой без близких им по духу людей.

...художники делятся на две категории: умеющих создавать красоту на полотне, бумаге или пленке и при этом еще производить социальный анализ, исследовать сущность характера. И на умеющих уловить мгновение красоты в правдивом обличье, но без анализов и синтезов. Ведь сама правда, данная в эстетическом восприятии, способна возмещать умственный многослойный анализ...

Морские сны. Сценаристы и режиссеры в море

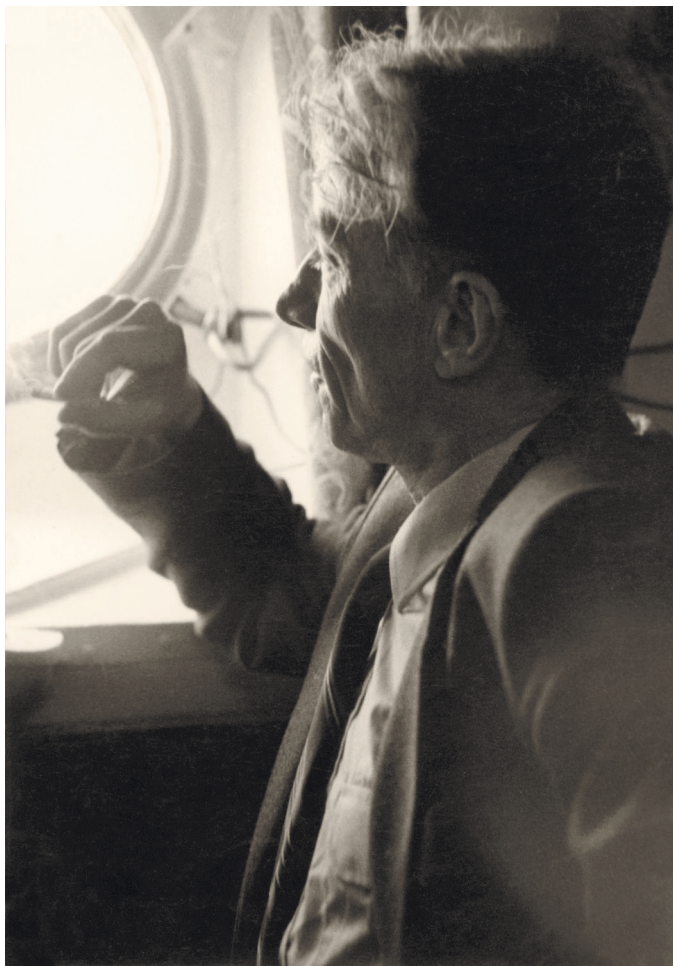
Вся сила и суть акварели в том, что сквозь краску просвечивает белая бумага. Белый свет должен излучаться из-под краски, как он излучается из нутра айсбергов.

Третий лишний

Не знаю в литературе морского пейзажа, равного по художественности земным. Или фотографичность, или очеловечение моря. Схожесть описаний у самых разных писателей и великолепная забываемость прочитанных описаний, в которых обычно столько же святой правды, сколько и святой лжи. Это касается открытого моря. Прибрежный пейзаж выручил многих писателей. Он удается великолепно.

Среди мифов и рифов. Будни

...Так ко мне на вахту, октябрьскую, осеннюю, ненастную, прилетели скворцы. Конечно, вспомнился Саврасов, весна,

В море. 1984 год

еще лежит снег, а деревья проснулись. И все вообще вспомнилось, что бывает вокруг нас и внутри наших душ, когда приходит русская весна и прилетают грачи и скворцы. Этого не опишешь. Это возвращает в детство. И это связано не только с радостью от пробуждения природы, но и с глубоким ощущением родины, России.

И пускай ругают наших русских художников за старомодность и литературность сюжетов. За именами — Саврасов, Левитан, Серов, Коровин, Кустодиев — скрывается не только вечная в искусстве радость жизни. Скрывается именно

русская радость, со всей ее нежностью, скромностью и глубиной. И как проста русская песня, так проста живопись.

И в наш сложный век, когда искусство мира мучительно ищет общие истины, когда запутанность жизни вызывает необходимость сложнейших анализов психики отдельного человека и сложнейших анализов жизни общества, — в наш век тем более не следует забывать художникам об одной простой функции искусства — будить и освещать в соплеменнике чувство родины.

Пускай наших пейзажистов не знает заграница. Чтобы не проходить мимо Серова, надо быть русским. Искусство тогда искусство, когда оно вызывает в человеке ощущение пусть мимолетного, но счастья. А мы устроены так, что самое пронзительное счастье возникает в нас тогда, когда мы ощущаем любовь к России.

Я не знаю, есть ли у других наций такая нерасторжимая связь между эстетическим ощущением и ощущением родины.

Соленый лед. Без соли

Четыре часа одиночества в лесу и на берегу реки срабатывали, как сто лет в замечательном романе Габриэля Гарсиа Маркеса.

И букет из веточек осенней флоры навевал мне этим тихим вечером мелодии старинных русских романсов.

Под эти мелодии я раздумывал о том, что все наши понятия закованы в слова. А от каждого слова падает столько теней, полутеней, световых бликов и столько звучит в бесконечности мелодий и полутонов, сколько элементарных частиц во Вселенной.

Если мы смиряемся с тем, что никогда не узнаем цель нашего прихода в мир и ухода из него, то приходится смириться и с простотой рассказа классиков, ибо невозможно вылезти из самого себя, не став смешным и наглым, то есть негармоничным. Это отчетливо, как мне кажется, понимал и всегда помнил Чехов.

Отсюда его тихая усмешка Моны Лизы.

Ведь если автор не сопровождает художественный показ жизни своими внятными комментариями, то он в какой-то степени сознательно играет в загадывание шарад читателю. Это внешне углубляет произведение, ибо все мы любим отгадывать и любая необходимость отгадывания усиливает заинтересованность, но в то же время получается сознательная заданность и использование чем-то нечестного приема со стороны автора. Это одно из тех противоречий, которые меня мучают с самого начала литературной работы.

Ну, а если хочешь рассказать о том, что между слов, пиши музыку...

Вчерашние заботы. Игарка

...Я только знаю, что искусство — вещь такой интимности, что требует от смотрящего, или читающего, или слушающего совпадения колебаний, требует резонанса.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ресторане «Сплитски врата»*

...именно в этом — читать или не читать твою книгу — современный научно-технический человек действительно свободный и независимый человек...

*Начало конца комедии. Небольшой антракт,
или Несколько советов авторам путевой прозы*

Любопытство — вещь, свойственная путешествующим и тем более записывающим людям.

...Но я знаю, что Бог не дал мне таланта вмешиваться в чужие судьбы, ибо я только запутываю их. И потому не вмешиваюсь. Только любопытствую.

Вчерашние заботы. Вытрезвитель мифов

И в конце концов, то, каким ты себя и мир придумал, тоже имеет право на существование: ведь это плод именно твоего

опыта, восторга, воображения и неизбежной печали о прошлом.

Вчерашние заботы. Занавес

...неосознанно, интуитивно, вполне возможно от слабости (не обладаю способностью к классической простоте и последовательности), прибегаю к факто-фрагментарно-автобиографически-саморекламному жанру. Этот жанр вызывает у определенной группы читателей отвращение. И потому введение самого себя в книгу дело щекотливое, и лишних хлопот получаешь полон рот, но если, черт возьми, чувствуешь, что так надо?!

Наше сознание услужливо. Оно всему находит оправдание. Это и дурного поступка касается, и творчества. И потому я решил так: если автор, вводя самого себя в книгу, исповедуясь, искажает картину Жизни своим присутствием, то он как бы пишет на Жизнь донос. Однако это вовсе не страшно Жизни, плевать Она хотела на любые доносы с высокого дерева. Это самому автору в таком случае гроб с музыкой. Значит, я рискую больше всего. Ну а волков бояться — в лес не ходить.

...Где граница между искренностью и откровенностью? Вот самый коварный вопрос, который я знаю в жизни. Ведь это различные вещи, хотя для автора мучительны одинаково. Боже, как нужен мудрый наставник!

Третий лишний

«Сюжетным» я определяю такой рассказ, повесть, когда знаешь будущее героев; знаешь, что Саша или Маша погибнут. Такие рассказы писать легче — как надоест или запутаешься, так их, бедолаг, и прихлопнешь. Ну а то, что пишется легко, обязательно получается плохо.

Последний рейс

Для русского писателя все-таки, пожалуй, самое главное, кроме, ясное дело, таланта, любовь к родине, людям и самой

литературе — любовь к слову, к глаголу, который должен жечь сердца. Если это есть, так и короткой жизни у нас писателю хватает, чтобы остаться надолго.

ЭХО. Памяти Виктора Курочкина

Изменяются и развиваются не характеры героев литературных произведений, а изменяется их поведение после надломов и переломов судьбы. Понятие «изменение характера», употребляемое по отношению к литературным героям, традиционно, привычно, но импрессионистично, а потому способствует полной путанице.

Вор после житейского потрясения, когда он по ошибке обобрал родную мать, и та умерла, перестает быть вором и идет работать в ОБХСС. И мы рыдаем, наблюдая его на экране или в книге. Но это не характер его изменился, а поведение и образ мыслей.

В основе романа — судьба.

«Роман» — человек в истории, в мире, во вселенной. Это предполагает способность писателя к изучению всего и вся, то есть к анализу, разложению на составные элементы при таланте затем все соединить обратно в гармоническое целое. «Роман» — нечто настолько громадное, что вызывает обыкновенный страх, как вызывает его вдумывание в понятие бесконечности или конечности мира, направленности времени, засмертного пребывания.

«Повесть» — сопереживание героям (после вживания в них), сравнение судьбы, души, тела героя со своей собственной жизнью и опытом своей души, разума, сердца и (чаще всего) ассоциация со своим собственным прошлым, настоящим или будущим.

«Рассказ» — сопереживание вновь какому-либо эпизоду своей жизни или воровство интересного эпизода из чужой судьбы. Под «воровством» здесь подразумевается и полнейшая выдумка — вернее, фантазирование.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года*

Документ и поэтичность видения — чертовски сложная штука.

Документ сохраняется на века. А поэтичность видения... Как быстро убивает ее старение и шаблон жизни...

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года*

Написанное слово легко превращается в карманную фигу. Написанное вольнодумное слово никак еще не означает способность его автора к решительным и масштабным поступкам, хотя, как и произнесенное, само по себе уже есть поступок.

Весьма часто авторы смелых книг сами демонстрируют в сложной гражданской ситуации отчаянную трусость. Однако следует четко отличать таких авторов от тех, которые описывают героическое, уже имея собственный большой опыт действий в опасных ситуациях. Последние, написав «Выстрел» или «Иметь или не иметь», следуют в жизненном поведении за своими героями. Они иногда даже попадают в рабство своей писанине, как попадают в рабство те, кто в собрании произнес свое абсолютно искреннее слово.

Последний рейс

...И все-таки среди пишущих людей страсть к перемене мест наблюдалась всегда. Географическое удаление от родного общежития помогает увидеть примелькавшееся в новом ракурсе, помогает побороть бессмысленную веселость и даже перейти от беспричинной тоски к гениальному психозу, если ты, например, Гоголь.

Ностальгия — таинственное и сильное душевное страдание. Особенно полезна она пишущему здоровяку. Ведь вопрос о равновесии в художнике болезненного и здорового начала — темный. Никто еще не выяснил оптимального процентного соотношения того и другого для наиболее полного художественного выражения души писателя. Ясно только, что червоточинка необходима, ибо тот, кто постоянно ясен,

тот, по мнению Маяковского, просто глуп. Таким образом, если вы чувствуете в душе и мыслях постоянную ясность, вам следует немного психически приболеть. И есть смысл сделать это через морскую тоску и ностальгию. Морская ностальгия особенно хороша тем, что с этой душевной болью в сумасшедший дом не сажают. Достаточно для полного излечения приплыть обратно и переступить родной порог.

Если же ваше плавание недостаточно затянулось и ностальгии вы еще не ощущаете, то следует попасть в какую-нибудь неприятность, влипнуть в историю. Например, пусть у вас не хватит при сдаче груза тридцати бухт катанки или парочки автобусов — такое на торговом флоте бывает. И сразу вы переживете острый приступ тоски по дому и маме, утратите ясность духа и приобретете болезненную, но необходимую для высокого творчества психическую неясность.

Морские сны. Общественное поручение

...Да, как написал мне один осужденный, для которого книга — «окно в прекрасный мир свободы»: «Конечно, среди книг, так же как и среди людей, можно попасть в дурную компанию».

Если бы меня сегодня спросили, что такое «беллетрист», я бы сказал: это пишущий книги человек, который никогда не знал, не знает и никогда не узнает того, что такое литература. Никогда.

Литература может иногда быть водкой или даже спиртом, но никогда — вином. Ее нельзя ни дегустировать, ни смаковать.

ЭХО. Архисчастливый писатель

Собирательство, страсть к коллекционированию свойственна многим. Те, кто коллекционирует свои впечатления, переживания, мысли, рано или поздно подаются в сочинители. Ведь тот, кто для себя дневник ведет, — тоже сочинитель. Только без членского билета Союза писателей в кармане.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля*

Ежели писатель берет целью всей своей жизни выдавливать из себя раба, то ему нет нужды заботиться и даже не следует думать о сюжетах, фабулах и внешнем действии. Все это само собой приложится. Сейчас в страшной штуке признаюсь. Я очень мало читал художественных произведений Чехова. Зато прочел, вероятно, все, что он написал «нехудожественное» и что написано вокруг него. Боже, какой козырь я кидаю критикам! Но пусть они задумаются над моим признанием, ибо вообще главное сегодня принадлежать к тому типу людей, который коллекционирует не марки или самовары, а свои жизненные впечатления.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля*

...большая цель порождает новые силы и продлевает жизнь даже смертельно больным подвижникам большой цели, и они, как правило, успевают достичь ее, наперекор даже законам природы, и умирают, поставив наперекор всему здравому смыслу точку...

А кто-то все шепчет: «Ты должен просто рассказывать только то, что знают немногие, а ты видел!»

ЭХО. Пришла пора таких заметок

Раскованная проза. Это когда автор просто-напросто рассказывает, куда и как вела его судьба в жизни. Но судьба-то всегда ведет именно туда, где он должен был быть и куда он, послушный зову судьбы и приказу совести, идет.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

«Самое беззаботное и счастливое существо на свете — вода».

Мелькнет вот что-нибудь такое «неожиданное», чего за столом не придумаешь, — только в пути, в дороге. Чиркнешь в записную книжку. Но только не от слабости памяти и опасения, что не всплывет в нужный момент. Нет. Тут такое дело. Когда будешь потом, на берегу, дома, работать над какой-нибудь

вещью на пережитом материале, то при работе «впритык» над текстом обязательно попадешь в унылые периоды спада настроения, безнадежности, неверия в себя. И тогда строчка в записной книжке играет роль эмоционального допинга, помогает перелезть через труп самого себя, воспрянуть духом.

ЭХО. Пришла пора таких заметок

О жизни писать надо. Это и есть «художественная проза». Тяжелее ничего на свете нет...

Последний рейс

И все-таки писателем стоит стать хотя бы для того, чтобы испытать злобно-садистскую, торжествующую радость при разрывании в клочья черновики.

Не получается? Не начать? Страшно?..

Все равно пиши! Пиши все подряд! Никаких вдохновений! Есть шанс, что механика, процесс письма выведет к мысли и деталям, имеющим и какое-то значение, нужность, ибо писание раскачивает тормозные колодки души — оно для этого и придумано! Только начинай!

ЭХО. Пришла пора таких заметок

О ЛЮБВИ

...только одну женщину мужчина берет с собою в могилу и в полет к звездам. И так, очевидно, положено от Бога.

Соленый лед. Поплыли

Несчастливая первая любовь для мужчины плоха не только тем, что ему нос натянули и ему больно. Особенно плоха она тем, что весьма длительное время, а иногда всю жизнь, мужчина потом страдает книжным восприятием женского.

И даже при любви к жене и ее любви к нему он редко бывает удачлив в браке, ибо все ищет в жене книжной поэтичности. И еще. Человека, который в первой юности несчастливо любил женщину, тянет потом всю жизнь к ее матери, отцу, сестре. И перед этими людьми, когда мелькает в них Она, он так же мучительно счастливо робеет.

Третий лишний

...именно женщину возвели древние мудрецы на пьедестал богини Мудрости. Почему? Потому что женщина не знает, а ведает пути к счастью. Ей не нужен гирокомпас. Гирокомпас указывает истинный норд, используя вращение Земли, силу тяжести, то есть гравитацию, и хитрые свойства волчка. Женщина ведает пути к счастью потому, что умеет беспечно и весело отдаваться вращению Земли и гравитации. В поисках счастья женщине не обязательно открывать новые истины и погрязать в знаниях. Она находит новое счастье через старую, необразованную любовь.

Начало конца комедии. О смысле вопросительности

...только по-настоящему влюбленные бывают слепы.

Путевые портреты с морским пейзажем

Чего не умеем мы, так это выказывать словами любовь.

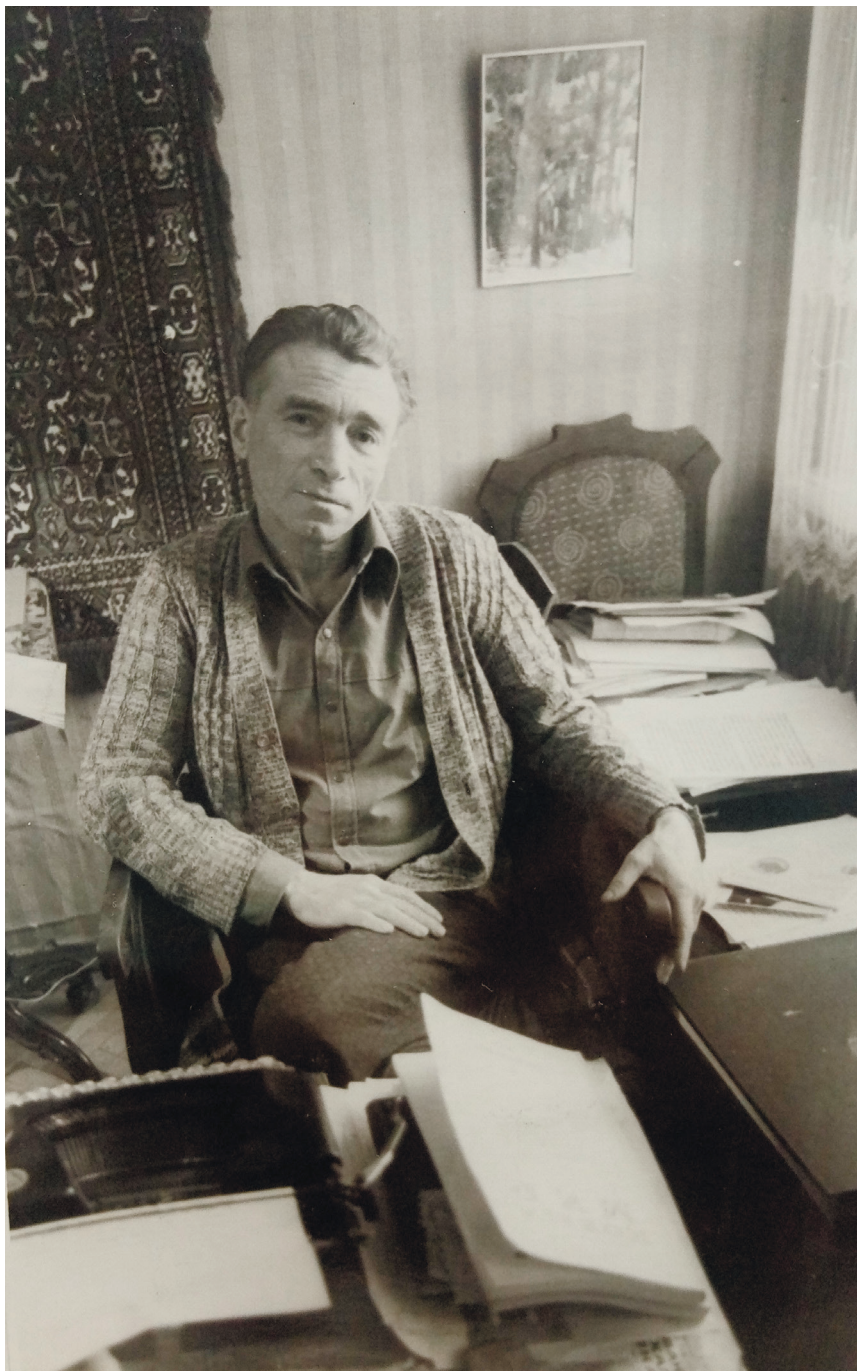
Среди мифов и рифов. Под вой боры

В мужчине главное не красота, а ум и воля.

Завтрашние заботы

...женщинам нужна в мужчине уверенность в себе, я бы даже сказал, нахальство. А откуда у хронического неудачника может быть уверенность в себе?

Соленый лед. Архангельские встречи

За письменным столом. 1983 год

Жены в сути своей одинаковы. Только у каждой свой гарнир. Мужья в сути своей все разные, а гарнир у них одинаковый, однообразный.

Третий лишний

...русские женщины любят за талант, за любой талант — хотя бы за вдохновенное пьянство. А западные женщины любят мужчин за мужество и вообще за мужичность, хотя бы и совсем бездарную.

Кто смотрит на облака

...отношения с женщиной требуют очень большого душевного напряжения. Женщины любят усложнять и запутывать жизнь, умеют будить в людях жалость к себе, а потом пользуются этим...

Если позовет товарищ

Увы, никто из мужчин не знает точного числа измен женщин. Я не о физических изменах, об изменах духовных. Последние обнаружить куда труднее.

Вчерашние заботы. Вытрезвитель мифов

...мораль женщины и мужчины — штуки вовсе разные.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В море Баренца*

Женственность — это качество, которое находится не внутри женщины, а как бы опущает, окружает ее и находится, таким образом, только в вашем восприятии.

Соленый лед. Архангельские встречи

Достаточно взглянуть на обнаженную девушку — бегло взглянуть (и не на идеально красивую), чтобы понять: в существе этом соединились все гармонии вселенной.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы*

Женщины — не мужчины, вещи нужнее им. Быть может, изящная безделушка или модное нижнее белье способны продлить женщине жизнь.

Соленый лед. Мимо Франции

...Если украшению нравится быть украшением, то почему ему не быть им? Если женщине нравится украшать собою мир, то и Бог ей в помощь!

Третий лишний

...Что такое женщина, если она не слышит стука своих каблучков на мраморе театрального вестибюля!

*Начало конца комедии.
Путевые портреты с морским пейзажем*

И красивая женщина, и хороший писатель верят комплименту только на короткий миг самого комплимента, ибо сомневаются в себе.

Третий лишний

И для мудрости, и для любви всегда находилась модель среди живых женщин.

...только женщины способны существовать в геометрии Лобачевского, то есть скользить сквозь время по двум параллельным, но пересекающимся плоскостям. А мы, мужчины, как уперлись лбом в Эвклида, так и стоим. Лучше уж в зерка-

ло упираться, чем в глухую стенку.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Кошкодав Сильвер*

Когда идешь рядом с красивой женщиной, кажется, что несешь цветы, подумал он. Даже пусть ты стар...

Кто смотрит на облака

...ночной чай и ночная папироса говорят иначе, чем днем...
И колени женщины говорят не так, как днем...

Морские сны. Чертовщина

...не красота и молодость в первую очередь привлекают мужчин, а женская готовность ответить на зов, готовность к любовной игре.

Кто смотрит на облака

Как много значит имя женщины. По имени, сам не замечая этого, сочиняешь ее для себя и потом десятилетиями веришь в легенду, сотканную тысячами ассоциаций, возникших из дебрей памяти, существующих в тебе еще с детства...

Соленый лед. Франциска

Загадочность и таинственность женской улыбки в том, что женщина, улыбаясь улыбкой Джоконды, просто еще не назначила себе цену. В те доли секунды, когда в прелестной женской головке идет подсчет собственных достоинств, когда в ее душе, если душа есть у женщин, работают одновременно все современные компьютеры, когда она одинаково побаивается и передорожить, чтобы не потерять любящего, и не продешевить, — вот в этот-то момент ее губы и трогает загадочная улыбка. Загадка в том, что ни она, ни мадонна еще не знают, сколько она назначит. Я не о деньгах или

духах, цветах и билетах в театр сейчас, конечно, говорю. Я говорю про кусок сердца и жизни, который она потребует, и не только потребует, а наверняка возьмет у своего несчастного избранника.

Среди мифов и рифов. Осина открывает острова

Какой философ возьмется объяснить, отчего мужики не сопротивляются тому, что все они одинаковые, а женщины так отчаянно сопротивляются даже легкому подозрению в их похожести?

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Арктическая «Комаринская»*

Вот читал недавно «Штиллера» Фриша. Он утверждает, что влюбленные женщины мнят себя снова десятилетними девочками.

Какая бы по счету любовь у женщины ни была, она возвращает даму к ощущениям самой первой ее любви, то есть в девочкины времена; она (любовь) наполняет сорокалетнюю даму девочкиной прытью, заставляет ее говорить милым тоненьким голоском детские глупости, задавать наивно-дурацкие вопросы об очевидных вещах, потуплять глазки и пугаться мотылька.

Путевые портреты с морским пейзажем

Всю свою историю человечество решает любовные вопросы и приводит их в порядок на земле. Не место такими делами на корабле заниматься. Скользящая на корабле палуба.

*Начало конца комедии.
Путевые портреты с морским пейзажем*

...Многоречивая женщина — это еще далеко не дура! Многогоречие от глупости так же далеко отстоит, как лукавство и хитрость — от мудрости.

Некоторым образом драма (пьеса)

Чем меньше ума у женщины, тем она хитрее и точнее.

Путевые портреты с морским пейзажем

В отношениях мужчина — женщина иногда наступает период, когда благородное поведение одной из сторон приносит только вред более любящему, обреченному рано-поздно лишиться менее любящего. И вот тогда перед менее любящим встает задача разочаровать в себе более любящего, то есть вести себя гадко, чтобы... ну, ясно для чего. И вот если он по натуре благороден и порядочен, то он все не может подвинуть себя на гадости. И все ведет и ведет самого себя по порядочной дороге и тем более привязывает к себе обреченного. И в результате сам первый погибает в порочном этом круге.

Некоторым образом драма (пьеса)

Когда читаешь Сомова и о нем, все время кажется, что душевная тонкость и чистота обязательно должны были привести его к какой-то тяжелой жизненной ошибке. Не по служебной, не по должностной, не по нравственной линии, а к ошибке сердца.

Третий лишний

Я спокойно касаюсь ее руки и понимаю, что женщине можешь простить все, если она вернется. (Только надолго ли?)

Третий лишний

Из народной мудрости известно, что привычка — вторая натура. Лермонтов заметил, что для большинства она при этом и единственная. Это-то и спасает большинство: наш нос способен адаптироваться к запаху чужого пота и перестать замечать этот запах, если мы нюхаем достаточно долго. А меньшинство спасается через любовь. В случае любви мы получаем удовольствие даже от запаха пота своего любимого.

Среди мифов и рифов.

Космический теплоход, череп и кости

Настоящий мужчина отличается от настоящей женщины только тем, что всего на свете боится.

Последний рейс

Нет хуже горя, чем горе в одиночестве...

«Капитан, улыбнитесь» (рассказ)

...если мужчины не способны понять женщину умом, то досаду и оскорбленное самолюбие могут компенсировать, любя женщину. (Конечно, когда она разрешает это.)

ЭХО. Пришла пора таких заметок

...И еще он вдруг понял, что наступила пора, когда ему больше не следует рассчитывать на неожиданную и прекрасную женскую любовь впереди, что обычные об этом мужские мечты не для него. И если кто-то любит его сейчас, то это надо ценить, как последний подарок жизни.

Кто смотрит на облака

Нельзя забыть человека, который о тебе все время помнит.

Кто смотрит на облака

Люди точно знают и чувствуют того, кто любит их.

Соленый лед. Архангельские встречи

...именно в любви сильнее всего проявляется жизнь...

ЭХО. Две осени (рассказ)

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

...вся суть жизни в том, сколько человек получает человечности в единицу времени. И сколько отдает ее...

Если позовет товарищ

Прекрасны бывают не только победы, но и поражения; не только корабли, но и причалы. И вообще все прекрасно на этом свете — камни и вода, звезды и черный ночной океан, дожди, туманы, мы сами и горизонт, который всегда пахнет ветром...

Если позовет товарищ

Огромна помощь человеку от искусства, красивого слова, чужой мудрой мысли, чужого мужества.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля*

...нет на свете отдельно жизни и отдельно смерти, а есть что-то безнадежно перепутавшееся между собой, и что нет нужды и смысла разбираться во всем этом. А надо жить проще и не бояться смерти, как не боятся ее северные олени и ненцы.

Соленый лед. Вайгач

...смерть связана с совестью материальной связью.

Морские сны. Чертовщина

Живой не без места, мертвый не без могилы...

Морские сны. Дакарские сказки

Когда рядом случается смерть, вдруг меняются все масштабы.

Завтрашние заботы

...не надо жалеть умерших. Не надо. Если б они могли завидовать живущим, завидовать радости, которая иногда захлестывает живущих, тогда другое дело. Но мертвые не завидуют, просто не могут завидовать. Тогда зачем же жалеть их? В чем смысл жалости? Мстить за них можно. И должно. А жалеть? Жалеть надо живущих...

Повесть о радисте Камушкине

И брэнность жизни, и вечность ее окружают северные могилы и бьют по сердцам.

В одинокой могиле, которая вознесена высоко над морем, есть величие человеческого мужества. На Севере, в ледяных пространствах, человек сильнее всего доказал, что он может победить даже одиночество.

Соленый лед. Вайгач

Иногда тоскливое настроение и грустное зрелище вдруг интерферируют, рождая просветленность. Разве не бывало так с вами на кладбищах?

Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник

За столетие мы углубили себя страданиями. А что произошло за это время в Америке? Конечно, она продолжала копить богатства и делала это много успешнее нас. А еще? Я не хочу сказать, что Америка ничем не помогала миру, что она не обогащала его теми или иными идеями. Я про другое. Про будущее. И здесь мне кажется, что мы подходим к перевалу, а Соединенные Штаты еще только у подножия горы.

Соленый лед.

Телевизор у берегов Соединенных Штатов

Человек отличается от других существ тем, что умеет себя обманывать, умеет искренне верить в собственную ложь.

Соленый лед.

*Как я не написал статью об арктическом туризме
и что из этого вышло*

Всегда находятся доброты для расклейки на заборах карательных объявлений.

Последний рейс

Воздерживаться от суждений там, где не знаешь как следует вопроса, так же трудно русскому человеку, как и не оставлять автографов в общественных туалетах.

ЭХО. Опять название не придумывается

Я знаю, что спасение человечества, нашей планеты — в объективности.

Соленый лед.

Телевизор у берегов Соединенных Штатов

Информация все более и более успешно заменяет нам разум. Дураки, имеющие информацию, дают сто очков вперед умным в любых делах. И это вдохновило дураков.

Начало конца комедии.

Начало нового пути, или Шок от этологии

Скромность украшает человека, но делает это без спеха.

Среди мифов и рифов. Корабли начинаются с имени

...я хочу верить, что другим достанутся и достаются кусочки весело-отчаянного мира. От веры в это мне легче жить.

Морские сны. Опять мимо Доброй Надежды и Монтевидео

Занятно, что в раннем исламе, и по Корану, и по преданию, культ Аллаха — в противоположность культу идолов — проявлялся главным образом во время морских путешествий. Именно во время ужасного шторма обращались к Аллаху с молитвой, как к Владыке моря. Это отлично увязывается с нашим: «Кто в море не бывал, тот бога не знал».

Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник

Подлаживаться к людям, мириться с мещанством в них, чтобы обрести тишину и покой, — значит, погубить в первую очередь свою душу.

Морские сны. Вокруг да около Святой Елены

Кто ты? Фильтр, через который некто пропускает свет звезд, тепло Солнца и холод морей, и бег дельфинов. Вот и все.

И если есть смысл в нашем существовании, то это смысл фильтра. Ты миллиардный фильтр, но, пройдя сквозь тебя, звезды делаются иными, нежели для всех других. Вот и все. Звезды принадлежат всем, и только одно принадлежит тебе — твои воспоминания...

Морские сны. Вокруг да около Святой Елены

Я знаю, что человеку не много надо, чтобы повеселеть, — достаточно сказать, что он, тем более она, сегодня отлично выглядит. Конечно, человек отмахнется от комплимента, но подкорковое вещество впитает квант света, и настроение человека улучшится. Не слишком ли много я начинаю придавать значения подсознанию? «Старость — юность усталых людей...»

Морские сны. Стыковка на мокрой орбите

Если мы будем казаться будущим людям дураками (а это произойдет обязательно), то не только за низкий коэффициент полезного действия двигателя внутреннего сгорания.

На паруснике «Седов». 2000 год

Они будут удивляться вопиющей бесхозяйственности в расходовании мозговой энергии. Миллионы тонн мозгового вещества в головах человечества работают вхолостую. Представьте себе Азовское море, заполненное до краев серым человеческим мозгом. И вся эта масса мозга решает вопрос: пойти в кино или нет?

Морские сны. В дрейфе

Жуткое дело — отсутствие способностей к чему-либо.

Морские сны. В дрейфе

...жизнь на каждом шагу соединяет высокое с низким. Середины нет.

Морские сны. В дрейфе

...шутки гения несут печать истины и ее печаль.

...только смерть способна вырвать из неразумного хаоса жизни и приобщить к идеальной разумности мирового целого.

*Морские сны. Банальная курортная истории
(Второй рассказ Геннадия Петровича М.)*

Нормальный же человек знает, что зло невозможно убить, всадив гарпун в сердце одного чудовища. Зло невозможно оставить за кормой на синих волнах дохлой сальной тушей в облаке жадных птиц. Оно всюду. Его конца не видно и нет, как нет начала и конца у плюса, как нет конца и начала у минуса, как нет их в проводнике, по которому идет поток электронов...

Морские сны. Во сне и наяву

...сделать маленькое добро куда труднее, нежели большое зло, ибо миллионы поводов и причин подбрасывает нам мир для оправдания дурных поступков.

Морские сны. Сценаристы и режиссеры в море

Быть может, «просто жить» куда более философская штука, нежели иметь сформированную словами цель. Быть может, формулирование цели даже убивает ее, как написанное слово убивает тонкость мысли и как чтение модных ныне книг по технике любви убивает какую-то тайну, которая не

убивается, если знания любовной техники приобретаются самодеятельно.

Путевые портреты с морским пейзажем

Нельзя бежать от проклятых вопросов, нельзя прятать голову под крыло незнания. Что такое человеческое существование без размышлений о судьбе личности в современном мире, без борьбы с безверием, без утрат и обретений смысла жизни, без страха смерти и страха перед будущим?

Начало конца комедии. Что мне показалось

...Вероятно, писателю есть смысл иногда ставить пишущую машинку не на хороший стол в кооперативной квартире, а на заброшенное надгробье. Ведь отсутствие показа полнокровной любви в нашей словесности, вполне возможно, не только следствие какого-то нашего особенного ханжества, но и диалектическое следствие отсутствия изображения противоположности любви, то есть смерти. Слишком часто мы выкидываем из книг два самых великих мига — начало и конец существа. А ведь без смерти человек не захотел бы выбираться из вечно затягивающего, как песни сирен, тумана иллюзий и самообмана. Если бы человек не был смертен, он вечно мог бы наряжать облака в штаны, вечно мог бы глотать наркотики, вечно витал бы в мире грез. Смерть для того и существует, чтобы хоть раз за жизнь возвращать нас с небес на землю.

Начало конца комедии. На кладбище Донского монастыря

Да, как бы фанфаронски это ни звучало, но надо идти на встречу жизни, надо идти на нее грудью, подставлять себя под поток ледяной лавы. И тогда хотя бы на мгновение чувствуешь крепость в ногах.

...прошлое всегда остается одним и тем же, но вспоминается оно всегда по-разному.

Вчерашние заботы. Обыкновенная Арктика

Жуткое дело круглый счет. Круглые даты давят на психику. Давления можно было бы избежать при беспериодичности счета. Но Бог рассудил иначе, заставив крутиться планету и вокруг самой себя и вокруг звезды. Он ввел чередование дня и ночи, зимы и лета; он захотел, чтобы мы ощущали время именно периодами и подводили под каждым периодом черту, он лишил нас безмятежной постепенности. И мы послушно вводим недели, месяцы, годы и века, хотя в глубине истинной природы их нет. Ну нет же у материи воскресений, черт возьми!

Вчерашние заботы. Игарка

Русский любой ценой стремится достичь предела понимания с другим человеком. (Помните наше знаменитое пьяное: «Ты меня п-понимаешь?»)

Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке

Нет такого мужчины, которому в подпитии не казалось бы, что он запросто обыграет в шахматы Карпова или влезет на Адмиралтейскую иглу.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
В море Баренца*

...Наш пьяница способен всю ночь горевать об отсутствии Учителя, который выслушает и ответит на больные вопросы. А собеседник всю ночь будет доказывать, что дело не в том, чтобы найти Учителя, а в том, чтобы найти того, кто тебя поймет до конца, и так далее...

Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке

Ведь не было и нет несчастнее и бесправнее человека в мире, нежели горький пьяница.

Вчерашние заботы. Вытрезвитель мифов

Вечный раб в протрезвевшем человеке особенно заметно проявляется после буйства.

Вчерашние заботы. Вытрезвитель мифов

Вообще-то, курево, наркотики, алкоголь — все это психофармакологические препараты. С их помощью наш организм вырабатывает гормон любви к жизни, хотя бы на секунду, минуту или часок подавляет гормон страха перед ее сложностью.

Начало конца комедии. Почему я против наглядности

Жизнь — сплошная литературщина, и в ней часто бывает «как в кино». И именно как в плохом, бездарном кино, где нет драматургии, а есть случайные совпадения, на которых и держится фабула.

Вчерашние заботы. «О голубка моя...»

Самое интересное в современном мире — страх перед необходимостью сообщать людям правду. Ложь умолчанием — вот заповедь века.

Столкновение в проливе Актив Пасс

Как быстро и старательно мы забываем умерших. И сами смерти боимся до смерти, и говорить о ней много — плохой тон, потому что тогда уменьшается наш исторический оптимизм. Смерть бяка, потому что все ставит на свои места. А этого как раз и не надо для социального оптимизма.

*Никто пути пройденного у нас не отберет.
Давняя драма в проходе Флинт*

Вот я уже порядочно времени готовлю себя к смерти, уже в упор о ней думаю. И вообще-то ничего особенно не привязывает к жизни, кроме, конечно, страха перед смертью, ибо

смерть омерзительная бяка; особенно для нас, которые ни умирать, ни даже хорониться не умеют. Но помирать, не узнав ничего новенького о комете Галлея, то есть до марта 1986 года, ей-ей, очень обидно!

...Природа не рискует ничем и никогда.

Способность к риску есть человек.

Говорят, именно фантазия ведет к риску — к небытию или к вечности.

***Никто пути пройденного у нас не отберет.
В центре моря Лаптевых***

И близкие и далекие смерти, когда находишься в море, переживаются как-то отчетливее и масштабнее, нежели когда ты на земле.

***Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года***

После вахты читал Любищева. Он горит желанием заставить всех непрерывно думать о времени. Но поступать так значит непрерывно думать о смерти, что для здорового, нормального человека противоестественно. Нельзя же вовсе скидывать со счетов: «Счастливые часов не наблюдают!»

***Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года***

У правды есть свои сроки. И если правда долго идет к людям, то и она, и люди многое теряют.

***Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года***

Когда человек заходит в одиночестве слишком далеко, он перестает пытаться выйти из него. И правильно делает. Ибо это значило бы возвращаться, а следует идти только вперед.

***Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы***

Когда скорбь и страдания могучи, тут не до слез. И настоящая великая радость бытия спокойно обходится без улыбок и смеха.

Последний рейс

Вот уж правда: не убей в себе дикаря и живи в ладу со своим дураком!

Последний рейс

...четыреста лет ханжи могут торжествовать, но через четыреста с лишним лет они будут заплеваны — как ни вьется веревочка, а конец ее все-таки светел и пахнет коноплей и вереском.

Последний рейс

Ложь всегда красивее правды.

Последний рейс

Наблюдая своих соплавателей, я пришел к выводу, что самым общим для всех является полнейшее отсутствие каких-либо страхов, предчувствий, опасений перед той дорогой, которая нас ждет. Ведь каждый отлично знает, что на обратном пути будет достаточно приключений, ибо ледовые прогнозы чрезвычайно тяжелые. Но никто не спешит заглядывать в будущее. Фатализм можно определить одной фразой: «Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут».

Последний рейс

Несколько раз в жизни я видел умирающих людей, но, как это ни покажется странным, они не держали в своих руках и не прижимали к своей груди огромный том Библии.

Библию внимательно я не прочел ни разу. Зачем мне врать? Ведь если совру, это будет грех. Поэтому напишу правду: мне скучно читать Библию.

Я никогда не считал себя человеком богохульным. Любой пишущий человек, каким бы великим он себя ни считал, всегда понимает, что Книга Книг будет всегда самой великой. Но любой пишущий человек имеет и свою высшую любовь, а это может быть и «Каштанка».

Думаю, в моей жизни огромное религиозное воздействие оказала «Муму»...

Последний рейс

Мы не знаем того, что за гробом, но знаем из обыкновенного опыта, что наша память об ушедших может быть громадной, невообразимой, высокой, и тогда они остаются жить с нами.

ЭХО. Опять название не придумывается

Виктор Конечкий «Прибой». Масло. 1999 год

«СТАРИННЫХ СЛОВ ОТМЕННАЯ ЧЕКАНКА...»

**СТИХИ И ПЕСНИ, ЦИТИРУЕМЫЕ ВИКТОРОМ КОНЕЦКИМ
В РОМАНЕ-СТРАНСТВИИ «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ»**

...Поэзия — та влага в глазах, которая смывает пыль. Если влага не омывает глаз, мы слепнем. Поэзия соединяет то, что кажется несоединимым, освещает старые понятия с неожиданного ракурса. Даже хулиганя, поэт интуитивно чувствует за непонятной строкой смысл. Поэт не может доказать существование этого смысла. Он только чувствует его в ритме звуков, в путанице интонаций. Поэт знает, что нет бессмысленных словосочетаний, как ученый знает, что нелепые результаты эксперимента означают не нелепость природы, а ограниченность опыта...

Виктор Конецкий «Соленый лед» («Поплыли»)

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...

*Данте «Божественная комедия»
(написана приблизительно с 1308 по 1321 гг.).
(Соленый лед. Середина жизни)*

«Люблю тебя!» — она сказала.
«Ты лгунья!» — ей ответил я. —
Кого слепая страсть связала,
Того обманет ложь твоя.

Велит мне ум седой и строгий
Не верить слову твоему:

Отшельник дряхлый и убогий
Уже не нужен никому.

Мне показалось — ты сказала
Пустым признанием твоим:
«Свободный ветер я связала,
И он остался недвижим.

Огонь несет с собою холод,
Пылая, движется вода».
Для шуток я уже немолод,
Я отшутился навсегда».

*Испанский поэт и дипломат Яхья ал-Газаль
(перевод Т.А. Шумовского).
(Соленый лед. Лабытнанги – Ленинград)*

Пускай там дерутся слепые
Цари за кусочки земли,
Мы наших владений границей
Безбрежность морей обвели!

*Испанский поэт Хосе де Эспронседа
(перевод Т.А. Шумовского).
(Соленый лед. Лабытнанги – Ленинград)*

Приедается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят
И тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может, ты-то их,
Море,
И сводишь, и сводишь на нет...

*Борис Пастернак «Морской мятеж» (1944 г.).
(Соленый лед. Новый год у набережной
Лейтенанта Шмидта)*

...Уверены ль мы в бедной жизни нашей!
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там в глуши голодна смерть иль петля...

*А.С. Пушкин «Борис Годунов» (1825 г.).
(Соленый лед. Морской экзамен)*

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык,
И с волей небесною дружен...

Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье...
И вскрикнул внезапно ужаленный князь...

*А.С. Пушкин «Песнь о вещем Олеге» (1822 г.).
(Соленый лед. Морской экзамен)*

Читай Устав на сон грядущий!
И поутру, от сна восстав,
Читай усиленно устав!

*Автор неизвестен.
(Соленый лед. Морской экзамен)*

Веселей, молодцы, подналяжем –
эхой!

Загарпунил кита наш гарпунщик
лихой!

*В книге Германа Мелвилла «Моби Дик»
(написана в 1850 – 1851 гг.).*

(Соленый лед. Телевизор у берегов Соединенных Штатов)

Соленые волны, соленые льды,
А в небе горит, горит, горит звезда рыбака...

*Николай Добронравов «Звезда рыбака».
(Соленый лед. Телевизор у берегов Соединенных Штатов)*

...Ночь холодна, и туман, и темно кругом.
Мальчик маленький не спит, мечтает о былом.
Он стоит, дождем объятый,
И на вид чуть-чуть горбатый,
И поет на языке родном:
Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы,
Подходите, не робейте,
Сироту меня согрейте,
Посмотрите: ноги босы...
Друзья, ведь я совсем не вижу;
Милостынькой вас я не обижу, —
Так купите, ради боже,
Папиросы, спички тоже —
Этим вы спасете сироту!..

Я мальчишка, я сиротка, мне шестнадцать лет.
Помогите ради боже, дайте мне совет,
Где бы мог я помолиться, где бы мог я приютиться,
Мне теперь не мил уж белый свет...
Мой отец в бою жестоком
Смертью храбрых пал.
Немец в гетто с пистолета
Маму расстрелял,
А сестра моя в неволе,
Сам я ранен в чистом поле,
Отчего я зренье потерял...
Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы...

*Автор неизвестен.
(Соленый лед. Без соли)*

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала — луна сияла
В ее окно, — и одеяла
Светился спущенный атлас.

Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, —
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.

*Иван Бунин «Я к ней вошел в полночный час...» (1898 г.).
(Соленый лед. Мимо Франции)*

О, этот Юг! О, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может..
Нет ни полета, ни размаху;
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

*Фёдор Тютчев «О, этот Юг! О, эта Ницца!..» (1864 г.).
(Соленый лед. Мимо Франции)*

В Кейптаунском порту, с какао на борту,
«Жанетта» поправляла такелаж!..

*Слова песни «В Кейптаунском порту» (1939 – 1940)
принадлежат П.М. Гандельману (1924 – 2012).
(Соленый лед. В шторм и штиль)*

Отговорила роща золотая
[Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком...]

*Сергей Есенин «Отговорила роща золотая...» (1924 г.).
(Третий лишний)*

Стоят девчонки...

*Слова песни Кима Рыжова,
музыка Александра Колкера (1966 г.).
(Соленый лед. Без соли)*

...Мы ваше не к добру прочли,
Теперь нас втайне горечь мучит:
А вдруг не вы одна смогли,
Вдруг кто-нибудь еще получит?..

*Константин Симонов «Открытое письмо.
Женщине из города Вичуга»
(по поручению офицеров полка, 1943 г.).
(Соленый лед. Без соли)*

...Пусть любовь начнётся. Но не с тела,
А с души, вы слышите, — с души!..

*Эдуард Асадов «Прямой разговор»
(написано не позднее 1969 г.).
(Соленый лед. Без соли)*

Букет цветов из Ниццы прислал ты мне...
и плакали зарницы моей любви...

*Песня венгерского композитора Денеша Будаи
из кинофильма «Blumen aus Nizza» (Австрия, 1936 г.).
(Соленый лед. Мимо Франции)*

Если б кончить с жизнью тяжкой
У родного самовара,
За фарфоровою чашкой,
Тихой смертью от угара...

*Борис Садовский «Страшно жить без самовара»
(из сборника «Самовар», 1913 г.).
(Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке)*

...русский дымок — и британский дымок!..
[...И немцы отступят. Под дымкой седою
Маршрут каравана теперь недалек.
Останутся только дымки за кормою —
Русский дымок и британский дымок...]

Принято считать, что песня «Русский дымок и британский дымок», посвященная морякам каравана PQ-17, появилась на Северном флоте в 1944 г. Автор неизвестен.

Позже появилось несколько аранжировок.

Одна из них была написана канадским композитором Кристофером Баттерфилдом и стала заключительной ораторией к балету «Реквием PQ-17».

(Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке)

...Был озабочен очень воздушный наш народ,
к нам не вернулся ночью с бомбежки самолет...
Бак пробит, хвост горит, но машина летит
на честном слове и на одном крыле...

Из песни «Мы летим, ковыляя во мгле».

Слова Гарольда Адамсона (русский текст Самуила Болотина и Татьяны Сикорской).

Музыка американского композитора Джимми Макхью.

В Америке эта песня появилась в 1943 г.

и называлась «Летим на крыле и молитве».

(Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке)

...Прощай и друга не забудь, не забудь.
Твой друг уходит в дальний путь.
К тебе я постараюсь завернуть —
Как-нибудь, как-нибудь, как-нибудь!..

Из шотландской шуточной песни «Нашел я чудный кабачок». Слова и музыка написаны не позднее 1945 г.

Русский текст Самуила Болотина и Татьяны Сикорской. Музыка В. Хамсона, обработка Б. Фиорито.

(Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке)

Роса этот флаг целовала,
Туман его прятал густой,
В краю полуночных созвездий
Он несся попутной звездой!

Флаг Англии! Ветра дыханье
Навстречу бросается вам...

*Редьярд Киплинг «Английский флаг».
(Среди мифов и рифов. Разгрузка в Сорри-доке)*

Балтийское море дымилось
И словно рвалось на закат.
Балтийское солнце садилось
За синий и дальний Кронштадт...

*Георгий Иванов «Балтийское море дымилось...» (1943 г.).
(Среди мифов и рифов. Ленинград – Гибралтар)*

Все выше, выше, выше
На мачту лезь, матрос!
Не видно ль португальских,
Испанских берегов?
О капитан, я вижу,
Будь, капитан, готов!
Дошли до португальских,
Испанских берегов!

*Неизвестный автор (из книги Генри Харта
«Морской путь в Индию»)
(Среди мифов и рифов. Ленинград – Гибралтар)*

От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От царскосельских лип до башен Гибралтара...

*А.С. Пушкин «Недвижный страж дремал
на царственном пороге...» (1824 г.).
(Среди мифов и рифов. Осина открывает острова)*

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева над вечной струей вечно печальна сидит...

*А.С. Пушкин «Царскосельская статуя» (1830 г.).
(Среди мифов и рифов. Осина открывает острова)*

Как-то парень с девушкой поспорил,
Что вдвоем они переночуют без объятий и без поцелуев,
Юноша тогда коня в заклад поставил,
а она монисто золотое.
Вот когда случилась полночь,
говорит тихонько парню девка:
«Повернись, перевернись разочек!
Что лежишь, как истукан, на сене?
Иль тебе коня, быть может, жалко?
Мне не жаль мониста золотого!»...

*Хорватская народная песня.
(Среди мифов и рифов. Мимо Греции)*

Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный...

*Гомер «Одиссея» (Песнь 19).
(Среди мифов и рифов. Мимо Греции)*

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

*Велимир Хлебников «Годы, люди и народы» (1915 г.).
(Среди мифов и рифов. Латакия)*

Мария Магдалина, раздетая вполне...
[Мне снится, снится, снится,

Мне снится чюдный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.
Не женщина — малина,
Шедевр на полотне —
Маруся Магдалина,
Раздетая вполне...]

Пародист А.Г. Архангельский «Магдалиниада» (пародия на стихи А. Жарова «Магдалина»). Опубликовано в 1928 г. (Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник)

Блажени есте, егда поносят вас и ижденут, и
рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради,
радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа
на небесех.

9-я заповедь блаженства, Назорная проповедь. (Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник)

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем...

Сергей Есенин «Никогда я не был на Босфоре» (1924 г.). (Среди мифов и рифов. Мимолетный праздник)

...Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине горящего лица не скрыло,
Как пламенна гора, казалось меж валов,
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудныя, при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи...

Михаил Ломоносов «Петр Великий» (1760 г.). (Среди мифов и рифов. Под вой боры)

Что ветры мне и сине море?
Что гром, и шторм, и океан?

Где ужасы и где тут горе,
Когда в руках с вином стакан?
Спасет ли нас компас, руль, снасти?
Нет! Сила в том, чтоб дух пылал.
Я пью! и не боюсь напасти,
Приди хотя девятый вал!
Приди, и волн зияй утроба!
Мне лучше пьяным утонуть,
Чем трезвым доживать до гроба
И с плачем плыть в толь дальний путь.

*Гавриил Державин «Мореходец» (1802 г.).
(Среди мифов и рифов. Под вой боры)*

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман,
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Лети, корабль, неси меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей...

*А.С. Пушкин «Погасло дневное светило» (1820 г.).
(Среди мифов и рифов. Под вой боры)*

На море, на рейде эсминец стоял,
Матросы с родными прощались.
А море хранило покой тишины,
И волны слегка колебались...

.....
А там, на аллейке, где пел соловей,
Где чисто звенела гитара,
С девчонкой прощался моряк молодой,
Надолго ее покидая...
Подали команду: «Поднять якоря!»
Свист боцмана резкий раздался,
Он снял бескозырку, махнул ей рукой:

«Прощай, дорогая Маруся!
Вот скоро возьмем Севастополь родной,
К тебе я, родная, вернуся!»

*Один из вариантов народной песни
«Эсминец “Суровый” на рейде стоял...».
(Среди мифов и рифов. Под вой боры)*

Каждой Венере земной, как той, первозданной, небесной,
Из беспредельности вод тайно рождаться дано...

*Фридрих Шиллер «Счастье» (1785 г.)
(перевод Ефима Эткинда).
(Среди мифов и рифов. Редактура мифа)*

Акуле на волнах знаком спокойный сон,
который наконец и я теперь увижу!..
[Я старый свой костяк могилкой не обижу:
Землицы порыхлей, конечно, хочет он.
Акуле на волнах знаком спокойный сон,
Который наконец и я теперь увижу...]

*Шарль Бодлер «Ликующий мертвец».
(Среди мифов и рифов. Размышление о документальной
прозе возле отмели Этуаль)*

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей...

.....
Лиловые моря в венце вечерней славы,
Морские города в тиаре из лучей
Рождали в нас тоску надежнее отравы...

.....
Бесплодна и горька наука дальних странствий,
Сегодня, как вчера, до гробовой доски —
Все наше же лицо встречает нас в пространстве...

*Шарль Бодлер «Плаванье» (перевод Марины Цветаевой).
(Среди мифов и рифов. Размышление о документальной
прозе возле отмели Этуаль)*

...Дай у колен твоих склониться головой,
Чтоб я, грустя во тьме о белом зное лета,
Хоть луч почувствовал — последний, но живой.

*Шарль Бодлер «Осенняя мелодия»
(перевод Вильгельма Левика).
(Среди мифов и рифов. Размышление о документальной
прозе возле отмели Этуаль)*

Выходила на берег Катюша,
на высокий на берег крутой...

*Песня «Катюша» (1938 г.)
(слова Михаила Исаковского, музыка Матвея Блантера).
(Среди мифов и рифов. Размышление о документальной
прозе возле отмели Этуаль)*

И бросить то слово на ветер,
чтоб ветер унес его вдаль...
[Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль...]

*Генрих Гейне «И бросить то слово на ветер...»
(из цикла «Возвращение домой», перевод Л.А. Мей).
(Среди мифов и рифов. Будни)*

Не счесть жемчужин в море полуденном...
[Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном...
Далекой Индии чудес...]

*Ария Индийского гостя
из оперы «Садко» (1892 г. – 1896 г.).
Автор музыки и либретто Н.А. Римский-Корсаков).
(Морские сны. Будни)*

Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...

*Романс «Красный сарафан...» (1932 – 1933 гг.).
Слова Н. Цыганова, музыка А. Варламова.
(Среди мифов и рифов. Денатурат и искусство)*

Мать родная тебе не изменит,
А изменит простор голубой...

*«Рыбацкая песня» из кинофильма «Море зовет» (1955 г.).
Слова Юрия Олеши, музыка Вениамина Рискинда.
(Морские сны. «SOS» в Индийском океане)*

...Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт...

*М.Ю. Лермонтов «Воздушный корабль» (1840 г.).
(Морские сны. Вокруг да около Святой Елены)*

Русский поход вспоминает...
[...Я оскорбил офицера!
Молод и он оскорблять,
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
.....

...Кто там так громко рыдает?
А! я её узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...]

*Песня «Старый капрал» (слова Василия Курочкина,
музыка Александра Даргомыжского).
(Морские сны. Вокруг да около Святой Елены)*

Господи, благослови Африку,
Поддай ей надежду,
Выслушай наши мольбы.
Господи, благослови,
Господи, благослови,
Снизойди к нам.
Снизойди,
Святой Дух.
Господи, благослови нас,
Нас, детей твоих.

*Енох Сонтонг (ок. 1873 г. – 1905 г.),
автор гимна ЮАР «Nkosi Sikelel' iAfrika».
(Морские сны. Стыковка на мокрой орбите)*

Она по проволоке ходила, махала белой ногой...
[Она по проволоке ходила,
махала белой рукой,
и страсть Морозова схватила
своей мозолистой рукой...]

*Булат Окуджава «Ванька Морозов»
(посвящение А. Межирову, 1957 г.).
(Морские сны. Стыковка на мокрой орбите)*

Очень пригожа девица,
Очень мила и прекрасна!
Скажи, скажи, моряк,
Ты ведь жил на кораблях, —
Так ли прекрасны
Корабль, парус или звезды?

*Неизвестный автор (из книги Генри Харта
«Морской путь в Индию».
(Морские сны. Во сне и наяву)*

...Тамтам изваянный, тамтам напряженный;
Рокочущий под пальцами победителя-воина;

Твой голос, глубокий и низкий, —
это пенье возвышенной страсти...

Леопольд Седар Сенгор
(первый президент Республики Сенегал, 1960 г. – 1980 г.)
«Черная женщина» (перевод Давида Самойлова).
(Морские сны. Дакарские сказки)

Гаснет ясный день,
Сохнет в саваннах трава,
Всему приходит конец?
Всем там быть?

.....

Все идет на лад!
Все идет на лад!
Все идет на лад!
Н’донг! Н’донг!

*Из сборника рассказов из Сенегала, переведенных Бираго
Диопом по рассказам гриота его семьи Амаду Кумбы*
(«Сказки Амаду Кумба», перевод с французского
И. Никифоровой).
(Морские сны. Дакарские сказки)

Очень пригожа девица,
Очень мила и прекрасна!
Скажи, скажи, моряк,
Ты ведь жил на кораблях, —
Так ли прекрасны
Корабль, парус или звезды?..

Песня «Кантига» португальского поэта Жила Висенти
(из книги Генри Харта «Морской путь в Индию».)
(Морские сны. Во сне и наяву)

Из Москвы в Нагасаки,
из Нью-Йорка — на Марс...
[...В группе девушек нервных, в остром обществе дамском

Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью-Йорка – на Марс!]
*Игорь Северянин «Увертюра (Ананасы
в шампанском!..)» (1915 г.).
(Морские сны. Чертовщина)*

Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!
Пощады никто не желает!

*Песня «Памяти “Варяга”» (стихи австрийского поэта
Р. Грейнца в переводе Е. Студенской (1904 г.),
музыка А.С. Турищева).
(Морские сны. Дакарские сказки)*

Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит.
Ей много простора, ей много свободы,
Луч солнца у чайки крыло серебрит...

*Романс «Чайка» (Под впечатлением «Чайки» Чехова)
(слова Елены Буланиной, музыка Евгения Жураковского).
(Морские сны. Дакарские сказки)*

Эх, Андрюша, нам ли быть в печали?..
В сердце нет ответного огня...
[...Эх, Андрюша, нам ли быть в печали?
Не прячь гормонь, играй на все лады.
Так играй, чтобы горы заплясали,
Чтоб зашумели зеленые сады!
.....

Пой, Андрюша, так, чтоб среди ночи
Ворвался ветер, кудри теребя.

Поиграй, чтобы ласковые очи
Не спросясь, глядели на тебя...]

*Фокстрот «Андрюша» написан в 1938 г. композитором
Ильей Жаком, слова Григория Григова
(погиб в фашистском концлагере в 1941 г.).
(Морские сны. Дакарские сказки)*

...Эти вопли титанов, их боль, их усилья,
Богохульства, проклятья, восторги, мольбы —
Дивный опиум духа, дарящий нам крылья,
Переключка сердец в лабиринтах судьбы.

То пароль, повторяемый цепью дозорных,
То сигнальные вышки на крепостях горных,
То приказ по шеренгам безвестных бойцов,
Маяки для застигнутых бурей пловцов.

И свидетельства, Боже, нет высшего в мире,
Что достоинство смертного мы отстоим,
Чем прибой, что в веках нарастает все шире,
Разбиваясь о Вечность пред ликом Твоим.

*Шарль Бодлер «Маяки»
(перевод Вильгельма Левика).
(Морские сны. Сценаристы и режиссеры в море)*

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
[всегда мы уходим,
когда над Землею бушует весна...]

*Булат Окуджава «Песенка о пехоте» (около 1961 г.).
(Начало конца комедии.
Путевые портреты с морским пейзажем)*

...Эх вы, ночи, матросские ночи —
только море да небо вокруг..

*Песня «Матросские ночи»
(музыка Василия Соловьева-Седого,
слова Соломона Фогельсона, 1944 г.).*

*(Начало конца комедии.
Путевые портреты с морским пейзажем»)*

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком...

Сергей Есенин «Отговорила роща золотая...» (1924 г.).

*(Начало конца комедии.
Путевые портреты с морским пейзажем»)*

Оделась туманами Сьерра-Невада...
[Оделась туманами Сьерра-Невада,
Волнами играет кристальный Хениль,
И к берегу веет с потока прохлады,
И в воздухе блещет сребристая пыль!
Сребристая пыль!..]

*Романс Александра Даргомыжского «Оделась туманами
Сьерра-Невада» (слова Валериана Ширкова).*

*(Начало конца комедии.
Путевые портреты с морским пейзажем»)*

...Отсюда
 безработные
в Гудзон
 кидались

 вниз головой...

*Владимир Маяковский «Бруклинский мост» (1925 г.).
(Начало конца комедии. У Адама и Пэн в Нью-Йорке)*

...весна, выставляется первая рама, и в комнату шум ворвался...

[Весна! Выставляется первая рама —

И в комнату шум ворвался,

И благовест ближнего храма,

И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей...]

Аполлон Майков «Весна! выставляется первая рама...»

(1854 г.).

*(Начало конца комедии. Начало нового пути,
или Шок от этологии)*

Быть может, эти электроны —

Миры, где пять материков,

Искусства, знания, войны, троны

И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —

Вселенная, где сто планет;

Там все что здесь в объеме сжатом,

Но также то, чего здесь нет...

Валерий Брюсов «Мир электрона» (1922 г.).

*(Начало конца комедии. Держась за воздух,
или шок от энтропии).*

Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!

На заднице твоей сияет тот же ключ...

[...Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!

На заднице твоей сияет тот же ключ.

Ура! хвала и честь поэту-камергеру.

Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру].

А.С. Пушкин «Из письма к Вяземскому» (1831 г.).

*(Начало конца комедии. На кладбище
Донского монастыря)*

Лета к суровой прозе клонят...
[...Лета шалунью рифму гонят,
И я – со вздохом признаюсь –
За ней ленивей волочусь...]

*А.С. Пушкин «Евгений Онегин» (1823 – 1831 гг.)
(Глава VI. Строчка XLIII).*

*(Начало конца комедии. На кладбище
Донского монастыря)*

Я хочу быть понят моей страной...

Владимир Маяковский «Владимир Ильич Ленин» (1924 г.).

(Начало конца комедии. О смысле вопросительности)

Женский голос, как ветер, несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
[И чего на лету ни коснется,
Всё становится сразу иным...]

Анна Ахматова «Слушая пение» (1961 г.).

(Некоторым образом драма)

...«На германской войне только пушки в цене...»

[...Над гранитной Невой гром стоит полковой
Да прощанье недорого стоит.

На германской войне только пушки в цене,
А невесту другой успокоит...]

Булат Окуджава «Проводы юнкеров» (1969 г.).

(Некоторым образом драма)

Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад...

[Грешить бесстыдно, непробудно,

Счёт потерять ночам и дням,

И, с головой от хмеля трудной,

Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплёванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да ещё семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад...]

Александр Блок «Грешить бесстыдно, непробудно...»

(1914 г.).

(Некоторым образом драма)

Наводнение туда, играя, занесло домишко ветхий...

[...Остров малый

На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхой. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога].

А.С. Пушкин «Медный всадник» (1833 г.).

(Некоторым образом драма)

Но что в них есть, людских страданиях?
Зачем расстаться с ними жаль?

Зачем у нас в воспоминаньях
Живет прошедшая печаль?

Когда пройдут уже невзгоды
И прояснится жизни путь,
Зачем тогда былые годы
Нам вновь захочется вернуть?

*Автор неизвестен.
(Некоторым образом драма)*

...И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге —
Страны любимой он оплот
В часы ее тревоги...

*Роберт Бёрнс «Возвращение солдата».
(Вчерашние заботы. По старой дорожке)*

...Окончен труд дневных забот...
Вечерним выстрелам внимая...
[Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.
Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...]

*М.Ю. Лермонтов «Ты помнишь ли,
как мы с тобою...» (1830 г.).
(Вчерашние заботы. Диксон – мыс Челюскина)*

И три огня в тумане
Над чёрной полыньёй...

*Автор неизвестен.
(Вчерашние заботы. Диксон – мыс Челюскина)*

Морями теплыми омытая,
лесами древними покрытая...

*Песня «Об Индонезии» из документального фильма
«По Индонезии» (1955 г.). Музыка Виталия Гевиксмана,
русский текст В. Корчагина.
(Вчерашние заботы. О судовых пожарах
и как Фома Фомич играет в шахматы)*

Далеко, далеко на родном берегу,
помолитесь, друзья, за душу мою...

*Из старинной морской песни.
(Вчерашние заботы. Обыкновенная Арктика)*

Твой гроб – броненосец,
Могила твоя – холодная глубь океана.
И верных матросов родная семья –
Твоя вековая охрана.
Делившие лавры, отныне с тобой
Они разделяют и вечный покой...

.....
Ревнивое море не выдаст земле
Любившего море героя...
И тучи, нахмуясь, последний салют
Громов грохотаньем ему отдадут...

*Слова (предположительно, Е. Дмитриева) на памятнике
адмиралу С.О. Макарову в Кронштадте.
(Вчерашние заботы. Тикси – Певек)*

...Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!..

*А.С. Пушкин «Завидую тебе...» (1823 г.).
(Вчерашние заботы. Улыбка Колымы)*

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

.....
Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: на долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!

*А.С. Пушкин «19 октября» (1825 г.).
(Вчерашние заботы. Улыбка Колымы)*

...Мы топливо отнимем у чертей!
Свои котлы топить им будет нечем!..

.....
И шуточку: «Даешь стране угля!» —
Мы чувствуем на собственных ладонях!..

*Владимир Высоцкий «Черное золото» (1970 г.).
(Вчерашние заботы. В порту назначения)*

...Я не верю судьбе, я не верю судьбе!
А себе — еще меньше!..

*Владимир Высоцкий «Корабли постоят,
и ложатся на курс» (1966 г.).
(Вчерашние заботы. В порту назначения)*

Липовый ты, липовый, жоржик-военмор!
Где же ты шалаешься, клешник, до сих пор?
Чаем ты да сахаром нагло обманул
И на мне, бедняжке, грубо спекульнул!..

*Морской фольклор.
(Вчерашние заботы. Шаловливый гидрограф
и южак в Певеке)*

Уродилася я, как во поле былинка, —
безо всяких забот — кругла сиротинка.
Девятнадцать лет по людям ходила, —
где качала я коров, где детей доила...
[Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.
Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила...]

*Иван Суриков «Сиротой я росла» (1867 г.).
(Вчерашние заботы. Шаловливый гидрограф
и южак в Певеке)*

Калинушка с малинушкой — лазоревый цвет,
Веселая беседа — где мой милый пьет...

*Вариант песни «Калинушка с малинушкой»
Нижегородской губернии.
(Вчерашние заботы. Енисей, или «Сусанна и старцы»)*

Трусливыми вы зайцами родились!..
...К чему вам шпаги?!
Ведь командор повесить уже хочет
Фрондозо на зубцах высокой башни,
Без права, без допроса, без суда!
И всех вас та же участь злая ждет!..

Лопе де Вега «Овечий источник» («Овечий ключ»).
Монолог Лауренсии «Дозволил тиранам
ты меня похитить...».
(Вчерашние заботы. Енисей, или «Сусанна и старцы»)

Сонце низенько, вечер близенько, спишу до тебе,
мое серденько...

[Сонце низенько
Вечір близенько
спешу до тебе, мое серденько...]

Украинская народная песня «Сонце низенько».
(Вчерашние заботы. Вытрезвитель мифов)

Ночами, о море, рыдаешь ты в горе,
Гремя, содрогаясь;
И в холод, и в бурю — всегда
На водах твоих несутся суда,
Под песни бесстрашных матросов качаясь....

Португальский поэт Герра Жункейру «Голоса из рыбацких
хижин» (из книги Генри Харта «Морской путь в Индию»).
(Вчерашние заботы. Шуточки Фомы Фомича
и поворот под попутную волну)

...чист и свеж наш вылетает май...
[Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звёзды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь...]

*Афанасий Фет «Еще майская ночь» (1857 г.).
(Вчерашние заботы. «О голубка моя...»)*

...Где б ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый,
Я прилечу голубкой сизокрылой.
Парус я твой найду над волной морской,
Ты мои перья нежно погладь рукою...

*Песня «О, голубка моя» написана около 1860 г. испанским
(баскским) композитором Себастьяном Ирадьером
(перевод С.Б. Болотина, Т.С. Сикорской).
(Вчерашние заботы. «О голубка моя...»)*

...И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

*А.С. Пушкин «Элегия» (1830 г.).
(Вчерашние заботы. Занавес)*

...Но вот,
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный...

*А.С. Пушкин «Евгений Онегин».
(Вчерашние заботы. Занавес)*

Граждане, послушайте меня!
Кочегаром это буду я!
Две шуровки, две шнуровки,
Шкары и кусок бечевки —
Вот вся амуниция моя.
Ремесло я выбрал — не горюю!
С корешком на пару я шурую,

Топки чистим, шлак вираем
И лопатами втыкаем...

*Из песни времен угольного флота.
(Третий лишний)*

Заботу же о нижней юбке лучше
Пятидесяти верным сільфам препоручим.
Ведь эта прелесть уж не раз была взята,
Хоть укрепляют стены ребрами кита.

*Из поэмы английского поэта Александра Поупа
«Похищения локона»
(в книге Германа Мелвилла «Моби Дик»).*
(Третий лишний)

О, дорогое имя...

[Гвальтьер Мальде! О, дорогое имя,
Глубоко ты запало мне в сердце!
Внемля имени его, трепет всю меня объял,
Я не знаю, отчего мне весь мир милее стал!..]

*Ария Джильды из оперы Джузеппе Верди
«Риголетто» (1850 – 1851 гг.)
(итальянское либретто Франческо Мария Пьяве).*
(Третий лишний)

...«считать мы стали раны»...
[...Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...]

*М.Ю. Лермонтов «Бородино» (1837 г.).
(Третий лишний)*

Все кверху дном, все сбились с ног, —
господь бог на небе скончался, и в аде сатана издох!
[Закралась в сердце грусть — и смутно

Я вспомянул о старине —
Тогда все было так уютно
И люди жили как во сне...
А нынче мир весь как распался:
Все кверху дном, все сбились с ног —
Господь-Бог на небе скончался,
И в аде Сатана издох...].

*Фёдор Тютчев «Закралась в сердце грусть — и смутно»
(Из Гейне) (1826 г.).
(Третий лишний)*

«...ты не горюй, что не пришло письмо...»

*«Песня первопроходцев» (?).
(Третий лишний)*

Скелет кита на берегу Анголы,
Заметный, белый, высохший, тяжелый.
А мимо проплывают корабли.
Взлетает пыль прибоя,
И небо океана роковое
Вновь осеняет кроткий лик земли...

*Сергей Алиханов «Скелет кита на берегу Анголы»
(с посвящением Виктору Конецкому, 1973 г.).
(Третий лишний)*

Скелет кита на берегу Анголы
Белел в ночи загадочной грядой,
И рядом я стоял. Таинственный и голый
Мне берег виделся под чуждою луной.
И думал я: как призрачно все в мире,
Который, как всегда, куда-то катит вдаль...
Вдруг стало ясно мне, как дважды два четыре,
Что все бессмысленно... и даже стало жаль
Себя за гордое и давнее желание
Понять вокруг все сущее... Затем

В груди моей возникло ожидание
Чего-то важного и нужного нам всем...
Но тут пришел вельбот! Нарушив тишину,
Матросская братва от дальнего причала
Мне долго и сочувственно кричала:
«Довольно, Викторыч, глядеть вам на луну —
Пора на «Невель»! Чиф уж кроет матом
Всех литераторов! Такой там поднял вой!..»
Ну что бы подождать еще чуть-чуть ребятам...
Так хорошо побыть наедине с собой!

*Алексей Родионов «Мини-баллада о скелете кита,
“Невеле” и секонде-философе».
(Третий лишний)*

Трансвааль, Трансвааль — страна моя.
Ты вся горишь в огне...

*Народная песня, созданная на основе стихотворения
Галины Галиной (1870 г. — 1942 г.).*

Та песня с детских лет, друзья,
Была знакома мне:
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне»...

*«Песня о Родине» Михаила Исаковского
(посвящена Александру Фадееву, 1948 г.).
(Третий лишний)*

Корабли постоят и ложатся на курс...
[Но они возвращаются сквозь непогоды.
Не пройдет и полгода — и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода...]

*Владимир Высоцкий «Корабли постоят» (1966 г.).
(Третий лишний)*

...Зеркально начищу ботинок,
надену рубаху, как мел.
Давно не имел я блондинок,
брюнеток давно не имел...

*Шуточные стихи ленинградского поэта
Сергея Давыдова (1928 г. – 2001 г.).
(Третий лишний)*

...И дева-царевна решилась:
На спину села быка, не зная, кого попирает,
Бог же помалу с земли и с песчаного берега сходит
И уж лукавой ногой наступает на ближние волны...

*Овидий «Метаморфозы» (кн. II).
(Третий лишний)*

Так, как хочу, — не умею.
Так, как могу, — не хочу...

*Александр Твардовский (из записей поэта).
(Третий лишний)*

...«о русской девушке и британском дымке»
[На курсе норд-ост, под клокочущим паром,
На северный берег советской земли,
Покрыты броней, с опасным товаром
Сквозь бури и штормы идут корабли...
...Под белым бураном, над белым буруном
Русский дымок и британский дымок...]

*Песня «Русский дымок и британский дымок»
(Столкновение в проливе Актив Пасс)*

...Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужий час

Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ...

*А.С. Пушкин. Из незаконченной поэмы «Езерский».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Из семейной хроники)*

Ворскла — річка
Невеличка,
Тече здавна,
Дуже славно
Не волною, а войною,
Де швед поліг головою.
Не волною, а войною,
Де швед поліг головою...

*Украинская народная песня «Ворскла – річка невеличка».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Из семейной хроники)*

Легким именем девичьим Валя
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

.....
Вспыхнет в небе дальняя зарница,
Стукнут рельсы, тронется вагон...
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего...

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

*Сергей Орлов «Станция Валя» (1947 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Из семейной хроники)*

Пою морскую брань, потомки, ради вас!
[Пою морскую брань, потомки! ради вас,
Да будет слышен вам усердной музыки глас.
Не нужны мне цветы, восторги там напрасны,
Где славные дела собою сами ясны.
Отсюда мечет гром Россия на врагов!..]

Михаил Херасков (1733 г. – 1807 г.) «Чесмесский бой».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Под сенью русских сфинксов в Коломне)

Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравоученья?
[...Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравоученья?]
– «Нет... или есть: минуточку терпенья...]

А.С. Пушкин «Домик в Коломне» (1830 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Под сенью русских сфинксов в Коломне)

Вызвал Джеймса адмирал,
Джеймс Кеннеди!
Вы не трус, как я слышал,
Джеймс Кеннеди!
Ценный груз доверен вам,
Джеймс Кеннеди!
В СССР свезти друзьям,
Джеймс Кеннеди...

Джазовая песня времен Великой Отечественной войны
«Джеймс Кеннеди» о героическом капитане английского
эсминца. Музыка Н. Минха, слова С. Фогельсона.
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Как я первый раз командовал кораблем)

Лейтенант молодой и красивый
Край родной на заре покидал,

Были волны спокойны в заливе,
И над морем луч солнца сиял...

.....

Он объездил заморские страны,
Совершая свой дальний поход,
Переплыл все моря океаны,
Видел пальмы и северный лед...
И не раз он у женщин прелестных
Мог остаться навеки в плену,
Но шептал ему голос невесты...

***Борис Тимофеев «Лейтенант, не забудь!» (1938 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Как я первый раз командовал кораблем)***

А просто летний дождь прошел, нормальный летний дождь...
[Бывает всё на свете хорошо, —
В чем дело, сразу не поймёшь, —
А просто летний дождь прошёл,
Нормальный летний дождь.

Мелькнёт в толпе знакомое лицо,
Весёлые глаза,
А в них бежит Садовое кольцо,
А в них блестит Садовое кольцо,
И летняя гроза...]

***Геннадий Шпаликов «Бывает всё на свете хорошо»
(стихи из кинофильма «Я шагаю по Москве», 1963 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет. Отход)***

«Не правы всегда капитаны, всегда виноват капитан».
[Ревут, ошалев, океаны,
Приказ отстояться не дан,

Не правы всегда капитаны,
Во всём виноват капитан...]

***Григорий Поженян «Капитан».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Давняя драма в проходе Флинт)***

Есть море, в котором я плыл и тонул...
[...Есть море, в котором я плыл и тонул,
И на берег вытащен, к счастью.
Есть воздух, который я в детстве вдохнул
И вдоволь не мог надышаться.
У Чёрного моря!..]

*Семён Кирсанов «У Чёрного моря»
(слова песни на музыку Модеста Табачникова, 1951 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Давняя драма в проходе Флинт)*

У мачты стоит капитан...
Он судно проводит,
прибою
грозя...

[...Я вижу – у мачты стоит капитан,
лебедкой рука поднята,
и голос, как в бурю взывающий трос,
и гордый, как дерево, рост.

Вот вцепится яро, зубами грызя
борта парохода, прибой, –
он судно проводит, прибою грозя
выдвинутою губой!..]

*Семён Кирсанов «Маяковскому» (1954 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Давняя драма в проливе Флинт)*

Нельзя казнить голубей, не убей любви, не убей...
[В ночь, бессонницей обезглавленную,
перед казнью моей любви
я к тебе простираю главную заповедь:
«Не убий!»...]

*Семён Кирсанов «Шестая заповедь».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Давняя драма в проливе Флинт)*

...«весь израненный и жалобно стонал»...

[...А потом, уж как я вдовушкой была,
Пятерых я дочек замуж отдала,
К нам приехал на квартиру генерал,
Весь израненный, так жалобно стонал...]

Песня «Помню, я еще молодушкой была».

*Музыка Александры Ларме (1809 г. – 1890 г. ,
слова Евгения Гребёнки (1812 г. – 1848 г.).*

(Никто пути пройденного у нас не отберет. Мурманск)

«Забудьте, забудьте, забудьте меня... Мы жители разных планет...»

[Простите, простите, простите меня.
И я вас прощаю, и я вас прощаю.
Я зла не держу, это вам обещаю.
Но только вы тоже простите меня.

Забудьте, забудьте, забудьте меня.
И я вас забуду, и я вас забуду.
Я вам обещаю, вас помнить не буду.
Но только вы тоже забудьте меня.

Как будто мы жители разных планет.
Но вашей планете я не проживаю.
Я вас уважаю, я вас уважаю!
Но я на другой проживаю. Привет!]

Песня «Простите меня...»

*на стихи А. Володина, музыка С. Никитина.
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В Карском море)*

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
[Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;

Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой...]

*Фёдор Тютчев «Как океан объемлет шар земной» (1830 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
День рождения старпома у мыса Могильный)*

Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец.
Не кинет золотом луч утренней Авроры
На лиру чуткую забытого певца —
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.
Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова,
И не казалась бы могила глубока.

*Алексей Жохов. «Эпитафия».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
День рождения старпома у мыса Могильный)*

Последний раз маяк мелькнет,
И снова жизнь моя пойдет
Четыре через восемь.
И как ты чувствуешь себя,
В каюту с вахты приходя,
Никто тебя не спросит.
В привычном ритме, день за днем,
Проходит рейс кошмарным сном.
Четыре через восемь.
Вот так и жизнь твоя пройдет —
За рейсом рейс, за годом год.
Четыре через восемь...

*Автор неизвестен.
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
День рождения старпома у мыса Могильный)*

«Быть знаменитым некрасиво».
[Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись...]

*Борис Пастернак «Быть знаменитым некрасиво»
(1956 г.).*

*(Никто пути пройденного у нас не отберет.
История с моим бюстом)*

«Спасибо, жизнь, за все...»
[...Спасибо жизнь, что Я перед тобой в долгу,
За прошлую и завтрашнюю силу.
За всё что я ещё успею и смогу,
Спасибо, Жизнь, воистину спасибо.]

Песня «Спасибо, жизнь» из фильма «Карнавал (1981 г.).

Слова Р. Рождественского, музыка М. Дунаевского.

*(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В центре моря Лаптевых)*

«Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит
неизъяснимы наслажденья...»

[...Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обрести и ведать мог...]

*А.С. Пушкин «Пир во время чумы» (1830 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В центре моря Лаптевых)*

«...от той волны морской... а мысли тайны от туманов...
отважны люди стран полных...»
[О скалы грозные дробятся с ревом волны,
И с белой пеной крутятся бегут назад,

Но тверды серые утесы,
Выносят воли напор над морем стоя.
От скал тех каменных у нас, варягов кости,
От той волны морской в нас кровь руда пошла,
А мысли тайны от туманов,
Мы в море родились, умрем на море

Мечи булатны, стрелы остры у варягов,
Наносят смерть они без промаха врагу,
Отважны люди стран полночных,
Велик их Один бог, угрюмо море].

*Ария Варяжского гостя из оперы
Н.А. Римского-Корсакова «Садко» (1896 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В центре моря Лаптевых)*

Море шумело, море гудело,
Волны сливались с волной, —
Сердце рыдало, сердце все ждало:
Милая, будь же со мной.

Море дробило утесы и скалы —
Сердце дробило себя.
Море в пучину других увлекало —
Сердце же гибло, любя.

Море утихло и блещет лазурью,
Радостен моря привет.
В сердце по-прежнему вопли и буря,
Сердцу влюбленному отдыха нет.

*Автор неизвестен.
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года)*

Кто в будущее двинулся, держись,
Взад и вперед.

Взад и вперед до пота.
Порой подумаешь:
Вся наша жизнь —
Сплошная ледокольная работа.

Константин Симонов
«Кто в будущее двинулся, держись...»
(Капитану В.В. Михайличенко, 1975 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года)

...Неужто под конец так важно:
Где три аршина вам дадут?

На том ли, знаменитом, тесном,
Где клином тот и этот свет,
Где требуются, как известно,
Звонки и письма в Моссовет?

Всем, кто любил нас, так некстати
Тот бой, за смертью по пятам!..
На слезы — время им оставьте,
Скажите им: не тут — так там...

Константин Симонов «Не тут, так там...» (1974 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Письма поручика Искровой роты из 1914 года)

От морей и от гор
так и веет веками...
[...От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь:
вечно живем.

Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.

Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем].

*Ярослав Смеляков «Если я заболею,
к врачам обращаться не стану...» (1940 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет. Колыма)*

Благословляю вас, леса, долины, горы...
[Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от края и до края,
И солнца свет, и ночи тьму!...]

*Романс «Благословляю вас, леса».
Слова А.К. Толстого (1858 г.),
музыка П.И. Чайковского (1881 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет. Колыма)*

Жарю летней дышит Ленинград,
Нагреты докрасна дворцов ограды...
Взять курс в прохладу Арктики вы рады
Не ради денег, премий и наград.

Вам плавать за границу надоело —
Там нищета, там правит капитал,
Там души продают за тот металл,
Который тут предметом плана стал.

Вам надоел валютный звон в кармане,
И подставляет «Колымлес» бока
Под звонкие удары льда, пока
Джо Конрад не опишет все в романе...

*Инженер Леонид Мурафа «Песня в подарок друзьям».
(Никто пути пройденного у нас не отберет. Колыма)*

«Эх комарики-комарики мои! Нельзя девушке по садику
пройти!»

[Комарики — мушки дробненькаи,
Завелися во зелёном во саду.

Завелися во зелёном во саду,
Нельзя девушке по садику пройти...]

Русская народная песня «Комарики».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Арктическая «Комаринская»)

Бежать, бежать, бежать,
Кружиться, подниматься.
Скользить, лететь, скакать.
Опять, опять, опять!..

Эдуард Багрицкий «Что думает соболь».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы)

«...про коня, который притомился и не знает, куда ему
ехать вдоль красной реки»

[...— Мой конь притомился,
стоптались мои башмаки.

Куда же мне ехать?

Скажите мне, будьте добры.

— Вдоль Красной реки, моя радость,
вдоль Красной реки,

До Синей горы, моя радость,
до Синей горы...]

Булат Окуджава «Ночной разговор» (1962 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы)

Когда я спотыкаюсь на стихах,
Когда не до размеров, не до рифм,

Тогда друзьям пою о морях,
До белых пальцев стискивая гриф...

*Владимир Высоцкий «Когда я спотыкаюсь на стихах...»
(1972 г.).*

*(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы)*

Ты расскажи и про ночные бденья,
И как моряк находит вдохновенье
В стихии и в себе самом.
Мечтал и я когда-то пописать,
О чем-то главном людям рассказать,
Но не могу предать корявым мыслям лоску:
Ведь двадцать с лишком капитанских лет,
Увы, оставили свой след
Не только в печени и в реденькой прическе.
Ты на два года младше, ты еще мальчишка, —
Еще есть время посидеть над новой книжкой.
Достаточно тебе штормов и льдин.
Пора травить, что выбрано, втугую.
Теперь писать, писать напропалую.
Пусть знают обыватели-невежды,
Что все еще идут за Доброю Надеждой —
Находятся такие чудачки! —
Которые по волнам вечно бродят,
Чего-то там в душе своей находят,
Которым жизнь сидячья не с руки,
Что есть еще летучие голландцы!
И что у них меж жизнью и мечтой
Еще не стерлись кранцы!

*Стихи капитана танкера «Маршал Жуков»
Алексея Ивановича Антонова.
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы)*

«Счастье мое я нашел в этой дружбе с тобой»...
[Счастье мое

Я нашел в нашей дружбе с тобой,
Всё для тебя —
И любовь, и мечты...

Счастье мое —
Это радость цветенья весной,
Всё это ты,
Моя любимая, всё ты...]

*Танго «Счастье моё» (1939 г.).
Музыка Ефима Розенфельда, слова Георгия Намлегина.
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
В ледовом дрейфе, песцы)*

«От качки стонали зека, обнявшись как родные братья...»
[...От качки стонали зэка,
Обнявшись, как родные братья,
И только порой с языка
Срывались глухие проклятья.

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой.
По трапу войдешь ты туда,
Оттуда возврата уж нету...]

*Песня «Ванинский порт» (автор неизвестен).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля)*

На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядюю дюн,
Цветешь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?

*Исикава Такубоку «Те, которых мне не забыть».
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля)*

«Эй, моряк, ты слишком долго плавал, я тебя успела позабыть»

[...Эй, моряк! Ты слишком долго плавал.

Я тебя успела разлюбить.

Мне теперь морской по нраву дьявол,

Его хочу любить...]

*«Песенка о морском дьяволе» из фильма
«Человек-амфибия» (1961 г.).
Слова С. Фогельсона, музыка А. Петрова.
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля)*

«А я Сибири не боюсь, Сибирь ведь тоже русская земля,
так развевайся, чубчик кучерявый, так развевайся, чубчик,
на ветру...»

[...Но я Сибирь, Сибирь я не боюсь,

Сибирь – ведь тоже русская земля.

Развевайся, чубчик кучерявый,

Ты развевайся, провожай меня...]

*Песня «Чубчик» (авторы слов и музыки неизвестны).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Вокруг острова Врангеля)*

«Была бы только ночка сегодня потемней»...

[...Была бы только ночка,

Да ночка потемней,

Была бы только тройка,

Да тройка порезвей!]

*Песня на основе стихотворения Сергея Рыскина
(1859 г. – 1895 г.) «Удалец» (1882 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Кошкодав Сильвер)*

«Манчестера русского трубы дымят...»

[Манчестера русского трубы дымят, —

И дым пеленою тяжелой
Скрывает усталого солнца закат
За близкой рощей сосновой,
И этой порою в конторах своих
Барыш и убыток считает
Купеческий люд от товаров гнилых,
Кого как надуть, — размышляет...]

*Стихотворение Сергея Рыскина
«Современная баллада» (1880 г.).
(Никто пути пройденного у нас не отберет.
Кошкодав Сильвер)*

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Нам объявили: «Киев бомбили!»
Так началась война...

*Борис Ковынев «Двадцать второго июня...».
Песня написана в первую неделю
Великой Отечественной войны, исполнялась на музыку
вальса Ежи Петербургского «Синий платочек».
(Последний рейс)*

Здесь якорь залогом удачи минутной
В смоляную землю зарыт —
Затем, что кончается мир сухопутный
У этих изъеденных плит.

Здесь влажное небо разбито на тумбы,
Шторма долетают сюда,
И, крепко держась за чугунные тумбы,
У стенки гранитной застыли суда.

Здесь отдых нашли они — суши частицы,
Но им повелят: «Оторвись!»
Один отвалил и тяжелою птицей
Над бездною черной парит.

Уйдет — зашатаются волны на воле,
А где-то — спокойное дно.
Мы в море влюбляемся не оттого ли
Что нас презирает оно?

Я прячусь в туман и от холода горблюсь,
И море чревато бедой.
А в воздухе пара испуганных горлиц
Ведет разговор над водой...

*Стихи морского десантника Александра Котульского,
погибшего в Старом Петергофе в 1941 году.
(Последний рейс)*

«в любую сторону твоей души!
[...А кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький, спеши, спеши!
Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
в любую сторону твоей души...]

*Булат Окуджава «Надя, Наденька» (1963 г.).
(Последний рейс)*

Не стоял я ни разу в очереди,
Номер в списке не отмечал.
Только то, что дают без очереди,
Я без очереди и получал...
И хотя не дошел до счастья
На несчастье своем настоял...

*Борис Слуцкий «Не стоял я ни разу в очереди...»
(Последний рейс)*

Повсюду можно слышать то и дело:
с тупой тоски, с той самой, что и пьют,
бьют жен своих российские Отелло.
Хотя бы уж душили, а то бьют.

Бьют, озверев, до крови и увечий,
пиная телевизоры ногой.
Какой, скажи, тут облик человеческий?
Да прямо говори, что никакой.

А по утрам привидится другое:
не требуя навесов от дождя,
нетерпеливо злые с перепоя,
к пивным ларькам стоят очередь.

И если разговоров ты любитель —
любой тут можешь слышать разговор.
С утра тут каждый сам себе учитель,
философ, адвокат и прокурор.

Поругивая власти втихомолку,
то белое, то красненькое пьют.
Мол, от запретов разных много ль толку?
Ругают за ее, а продают.

Мол, все суют нам Пушкина и Данте,
а время-то прошло давным-давно.
Мол, вы сегодня Данте нам достаньте.
Не можете? Вот то-то и оно.

Давай еще по кружечке на брата,
не зажимайся, мать твою, гони...
Во всем, конечно, жены виноваты.
Ах, как мы б жили, если б не они...

И снова хлещут, ложно оживая,
стаканами да кружками звеня,
не ведая, что жить вот так, вливая,
как греться у фальшивого огня.

Да, холодна ты, пьяная дорога:
то снег летит, то остро блещет лед.

Куда идти? Спросить совет у Бога?
Да Бог советов пьяным не дает.

С надеждами давно забыты счеты,
порушена начал высоких связь.
Повсюду только пьянь да идиоты.
Мир не удался. Жизнь не удалась.

Смерть — вот она. А молодость далече...
И побредут опять они домой,
чтоб бить свои несчастья — жен калеча,
пиная телевизоры ногой...

*Владимир Гнеушев «Повсюду можно
слышать то и дело...»
(Последний рейс)*

Полундра!
Влюблен седой мужчина!
Гляди: взбрыкнул ногой!
Ой,хватишь, братец, лиха!
И фунт, и фрунт порой! И точно:
Схватил, но двести фунтов,
И фрунт хватил с лихвой!

*Автор неизвестен.
(Последний рейс)*

Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана.
Учителей сожрало море лжи
И выбросило возле Магадана.

.....
И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз.
Мы тоже дети страшных лет России —
Безвременье вливало водку в нас.

*Владимир Высоцкий
«Я никогда не верил в миражи...» (1979 г.).
(Последний рейс)*

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель,
Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь
И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт.
Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет...

.....
Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса, —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.
Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат...

*Николай Гумилёв «Капитаны» (1909 г.).
(Последний рейс)*

Мне дорог сон. Но лучше б камнем стать
В годину тяжких бедствий и позора,
Чтоб отрешиться и не знать укора.
О, говори потише — дай же спать!

*Четверостишие Микеланджело Буонарроти написано
от имени статуи «Ночи» из капеллы Медичи*

*в ответ на хвалебное стихотворение Джованни Строцци
(перевод Александра Махова).
(Последний рейс)*

Я вам, ребята, расскажу,
Как я любил мадам Анжу.
Мадам Анжа, мадам Анжа
Была безумно хороша.

Я приходил к мадам Анже,
Она встречала в неглиже.
И я бросался на Анжу,
С нее срывая неглижу.

Но появился тут Луи,
И в миг разбил мечты мои.
Все потому, что с тем Луем
Мадам забыла обо всем.

Мадам Анжа, мадам Анжа,
Вы негодяйка и ханжа!
Так кончилась любовь моя
Из-за Анжового Луя.

*Шуточная песня «Мадам Анжу»
поэта Владлена Бахнова, положенная на музыку
бардом Александром Дольским.
(Последний рейс)*

Уходят таланты и бездарь
Кругами волков и лисят.
Пора оглянуться над бездной,
Когда тебе за шестьдесят.
Когда от дыхания юга
Остался незлобный накат.
И словно на проводах друга
Прощальным виденьем Нордкап.
А дальше на север, а дальше,

За гранью свободной воды,
Застывшие страсти без фальши,
Безмерные, вечные льды.
Кто плавал у этих отметок,
У жестких ледовых границ,
Тот знает, как зыбок и едок
Осадок последних страниц...

*Григорий Поженян «Нордкап»
(Виктору Конецкому).
(Последний рейс)*

Безучастная немилость
Не была тому виной.
Техника пообносилась:
Вечен с Арктикою бой...

*Стихи Валерия Николаевича Купецкого (1929 г. – 1999 г.),
много лет возглавлявшего оперативную группу
Штаба морских операций
Восточного сектора Арктики в Певеке.
(Последний рейс)*

Дневную беседу подобную чуду
Как доброе кредо вовек не забуду,
Поскольку доводится в жизни нечасто
С друзьями блокадного хлеба встречаться.
Дорога в словесных морях нелегка,
Пусть злеет перо и крепчает рука.
Примите восточной науки привет
Семь футов и шкловских писательских лет.

*РДО В. Конецкому от В.Н. Купецкого (1986 г.).
(Последний рейс)*

Вы все, паладины Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,

Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!..

*Николай Гумилёв «Вы все,
паладины Зеленого Храма» («Капитаны»).*
(Последний рейс)

Ревут, ошалев, океаны,
Приказ отстояться не дан,
Не правы всегда капитаны,
Во всем виноват капитан...
За то, что он первый по чину;
За то, что угрюм и упрям;
За то, что последний в пучину,
Когда уже все по нулям...

Григорий Поженян «Капитаны».
(Последний рейс)

...Та любит твердь за тернии пути,
пыланью брызг предпочитает пыльность
и скажет: — Прочь! Мне надобно пройти. —
И вот проходит — море расступилось...

Белла Ахмадулина «Таруса. Марине Цветаевой»
(1977 – 1979 гг.).
(Последний рейс)

...Раз так пройти, а дальше — можно
Стать прахом неизвестно где...

Белла Ахмадулина «Таруса. Марине Цветаевой».
(Последний рейс)

Эх, дороги наши —
Пыль да туман,
Города, тревоги
Да сухой бурьян...

[Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян].

*Лев Ошанин «Дороги» (1945 г.).
(Последний рейс)*

Составитель: *Т. В. Акулова-Конецкая*

Макет и компьютерная верстка: *М. А. Емелина*